
ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 5 ЯНВАРЬ 1974

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 5 (2430)

26 ЯНВАРЯ 1974

МОСКВА, КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ, 21 ЯНВАРЯ 1974 ГОДА.

Руководители Коммунистической партии и Советского правительства при возложении венка к Мавзолею В. И. Ленина.
Фото А. ПАХОМОВА.

ПАМЯТИ ВЕЛИКОГО ЛЕНИНА

21 января — в день 50-летия со дня кончины Владимира Ильича Ленина — руководители Коммунистической партии и Советского правительства посетили Мавзолей великого вождя и возложили венок. На алой ленте венка надпись: «Гениальному вождю и учителю Владимиру Ильичу Ленину. ЦК КПСС, Президиум Верховного Совета СССР, Совет Министров СССР».

Минутой молчания светлую память основателя Коммунистической партии и Советского государства почтили товарищи Л. И. Брежнев, Ю. В. Андропов, А. А. Гречко, В. В. Гришин, А. А. Громыко, А. П. Кириленко, А. Н. Косыгин, А. Я. Пельше, Н. В. Подгорный, Д. С. Полянский, М. А. Суслов, Б. Н. Пономарев, М. С. Соломенцев, В. И. Долгих, И. В. Капитонов, К. Ф. Катушев.

Мавзолей В. И. Ленина посетили также председатель Центральной ревизионной комиссии КПСС Г. Ф. Сизов, заместители Председателя Совета Министров СССР В. Э. Дымшиц, В. А. Кириллин, М. А. Лесечко, В. Н. Новиков, И. Т. Новиков, З. Н. Нуриев, Л. В. Смирнов, Н. А. Тихонов, Председатель Совета Союза Верховного Совета СССР А. П. Шитиков и Председатель Совета Национальностей Верховного Совета СССР Я. С. Насриддинова, секретарь Президиума Верховного Совета СССР М. П. Георгадзе.

В ЕДИНОМ СТРОЮ — К НОВЫМ

САМОЕ СОКРОВЕННОЕ

Георг ГАРИБДЖАНЯН,
академик Академии наук
Армянской ССР

ЕРЕВАН. 19 ЯНВАРЯ. Вручение Армянской ССР ордена Дружбы народов.

Фото В. Егорова и Г. Багдасаряна (ТАСС).

Ленин... Октябрьская революция... Дружба народов... Для всех, кто собрался на совместное торжественное заседание Центрального Комитета Компартии Армении и Верховного Совета республики, посвященное вручению Армянской ССР ордена Дружбы народов, в этих словах заключено самое дорогое, самое сокровенное. Здесь, в зале театра оперы и балета имени А. Спендиарова, в этот праздничный день можно было увидеть лучших людей Армении.

Слово предоставляется члену Политбюро ЦК КПСС, министру иностранных дел СССР А. А. Громыко. От имени Центрального Комитета КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Советского правительства он горячо поздравил всех тружеников Армянской ССР с высокой наградой.

С особым удовлетворением выполняю еще одно поручение,— сказал А. А. Громыко.— Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев просил передать рабочему классу, колхозному крестьянству, интеллигенции, коммунистам и беспартийным, всему народу Армении его сердечные поздравления и самые добрые пожелания дальнейших трудовых успехов, благополучия и личного счастья.

Под аплодисменты участников торжественного заседания А. А. Громыко прикрепил к знамени республики орден Дружбы народов.

С чувством глубокого волнения и законной гордости приняли трудящиеся Армении высокую награду Родины.

Если бы в этот день мы попросили участников торжественного заседания — рабочего или ученого, колхозника или писателя — рассказать хоть об одном эпизоде из их жизни, то составилась бы интереснейшая многотомная книга о дружбе большой семьи советских народов.

Именно эта удивительная сила помогла поднять в горах Зангезура корпуса уникальных ГЭС, пробить сквозь толщу хребтов подземный путь для реки Арпы, проникнуть в тайны галактик, создать мощные индустриальные центры...

В своей ответной речи первый секретарь ЦК Компартии Армении А. Е. Кочинян от имени трудящихся республики выразил сердечную благодарность Центральному Комитету КПСС, Политбюро ЦК КПСС, Генеральному секретарю ЦК КПСС Л. И. Брежневу за высокую награду.

— Ленинская национальная политика,— сказал А. Е. Кочинян,— как живительное солнце свободы и счастья, раскрыла и возродила созидательные силы армянского народа.

БАКУ.
18 ЯНВАРЯ.
Вручение
Азербайджанской ССР
ордена Дружбы народов.

Фото А. Гостева.

ВЫСОТЫ СЧАСТЬЯ

Сулейман РУСТАМ,
председатель Верховного
Совета Азербайджанской ССР,
народный поэт республики

С хорошим настроением и большими планами вступила наша республика в новый год. И первый его месяц был отмечен для нас радостным событием — Азербайджану вручен орден Дружбы народов.

Во Дворце имени В. И. Ленина состоялось совместное торжественное заседание Центрального Комитета Компартии Азербайджана и Верховного Совета республики.

Член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС Ф. Д. Кулаков от имени Центрального Комитета КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР горячо и сердечно поздравил участников торжественного заседания и в их лице всех трудящихся Советского Азербайджана с высокой наградой Родины и передал им от Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежнева горячий привет и поздравления, сердечные пожелания новых успехов в труде и личного счастья.

Под горячие аплодисменты Ф. Д. Кулаков прикрепил орден Дружбы народов к знамени Азербайджанской ССР.

С ответной речью выступил первый секретарь ЦК Компартии Азербайджана Г. А. Алиев. Говоря о достижениях Советского Азербайджана, он подчеркнул, что республика обязана ими ленинской национальной политике Коммунистической партии, интернациональному единству советских народов во главе с великим русским народом. И сегодня азербайджанский народ вновь присягает на неколебимую верность ленинской дружбе народов.

И, слушая эти слова, радостно было думать о том, что, обгоняя быстротечное время, народы нашей страны идут к таким высотам счастья, о которых самые светлые умы человечества могли только мечтать.

В эти незабываемые минуты перед моим внутренним взором пролетели годы стремительного взлета нашей республики, сумевшей в исторически короткий срок добиться огромных успехов. Гордостью республики стали гигантские морские нефтепромыслы, новейшие предприятия, солнечные города-новостройки Мингечаур, Сумгаит, Али-Байрамлы, Нефтяные Камни...

Я счастлив, что вместе с другими поэтами могу создавать героическую летопись четырежды орденоносного Азербайджана...

ПОБЕДАМ

ГЕРОЯМ ТРУДА

Орден Трудовой славы
I степени

Орден Трудовой славы
II степени

Орден Трудовой славы
III степени

Указами Президиума Верховного Совета СССР учреждены орден Трудовой славы I, II и III степеней и медаль «Ветеран труда».

Орденом Трудовой славы награждаются рабочие промышленности, транспорта, строительства и мастера производства этих отраслей, колхозники и рабочие сельского хозяйства за самоотверженный высокопроизводительный долголетний труд на одном предприятии, в организации, колхозе или совхозе.

Медаль «Ветеран труда» учреждена для награждения трудящихся за долголетний добросовестный труд в народном хозяйстве, в области науки, культуры, народного образования, здравоохранения, в государственных учреждениях и общественных организациях. Медалью награждаются рабочие, колхозники и служащие при достижении пенсионного возраста и уходе на заслуженный отдых в знак признания их трудовых заслуг.

Медаль «Ветеран труда»

ИДЕИ ЛЕНИНА БЕССМЕРТНЫ

Фото В. КОШЕВОГО (ТАСС).

В Москве проходила научно-теоретическая конференция «Учение и дело В. И. Ленина — бессмертны». Она была созвана Институтом марксизма-ленинизма, Академией общественных наук, Высшей партийной школой при ЦК КПСС, Академией наук СССР, творческими союзами и организациями. Конференция посвящена 50-летию со дня кончины В. И. Ленина.

В президиуме — товарищи А. П. Кириленко, М. А. Суслов, Б. Н. Пономарев, Д. Ф. Устинов, В. И. Долгих, И. В. Капитонов, К. Ф. Катушев, председатель Центральной ревизионной комиссии КПСС Г. Ф. Сизов, президент Академии наук СССР М. В. Келдыш, ответственные работники ЦК КПСС, академики, видные деятели культуры, представители общественности.

Присутствовали главы дипломатических представительств социалистических стран, аккредитованные в СССР.

Вступительным словом конференцию открыл член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС М. А. Суслов. Он сказал:

Имя Ленина вошло в историю человечества как символ коммунистического преобразования мира. Его учение и дело — бессмертны.

С докладом «В. И. Ленин и международное коммунистическое движение» выступил кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС, академик Б. Н. Пономарев.

Мы можем смело сказать: коммунистам принадлежит инициатива в постановке коренных вопросов, связанных с самими судьбами человеческого общества. Грядущие битвы принесут еще большие успехи ленинизму,— сказал в заключение своего доклада Б. Н. Пономарев.

Доклад «Построение развитого социалистического общества в СССР — торжество идей ленинизма» сделал вице-президент Академии наук СССР П. Н. Федосеев.

С докладом «В. И. Ленин и социалистическая культура» выступил первый секретарь правления Союза писателей СССР Г. М. Марков.

Затем работа конференции велась в трех секциях, где был заслушан ряд докладов и сообщений.

ПЛОЩАДЬ АМИЛКАРА КАБРАЛА

Фото Г. Макарова

Имя выдающегося борца за свободу и независимость Африки — Генерального секретаря Африканской партии независимости Гвинеи и Островов Зеленого Мыса Амилкара Кабрала теперь носит одна из площадей Москвы, расположенная в рабочем районе Перово.

18 января в Перове состоялся торжественный митинг, посвященный открытию мемориальной доски. Выступая на митинге, секретарь исполкома Моссовета Н. Я. Сычев сказал: «Всю свою сознательную жизнь посвятил Амилкар Кабрал борьбе против португальских колонизаторов. Человек мирной профессии, агроном, он возглавил борьбу своего народа с португальскими захватчиками. Товарищ Кабрал не дожил до того дня, когда народ Гвинеи-Бисау провозгласил независимость своей родины. Кабрал пал от рук наемников колонизаторов. Но дело, за которое он отдал жизнь, завершили его ученики».

На митинге выступили директор Института Африки АН СССР В. Г. Солодовников, представители общественности столицы, которые единодушно отметили выдающийся вклад товарища Кабрала в дело борьбы за свободу и независимость порабощенных африканских народов.

ПЕРВЫЙ ГОД МИРА

27 января исполняется год с того дня, как в Париже было подписано Соглашение о прекращении войны и восстановлении мира во Вьетнаме. Эта дата вошла в историю как замечательная победа героического вьетнамского народа над силами империалистической агрессии, победа боевой солидарности всех прогрессивных сил планеты.

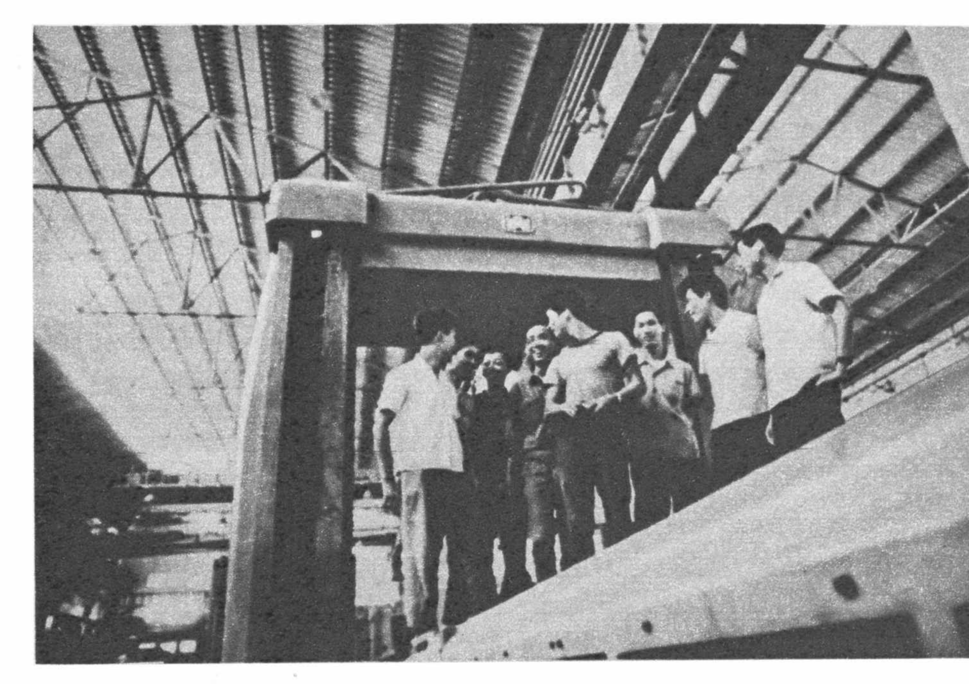
Прожит первый мирный год. Каким он был для Демократической Республики Вьетнам? Об этом рассказывают фотографии, сделанные корреспондентами ТАСС в ДРВ.

Тхайбинь. Бомбежки превратили город в развалины. Сейчас он отстраивается заново.

А это новостройки Хайфона. Сюда уже переехали новоселы.

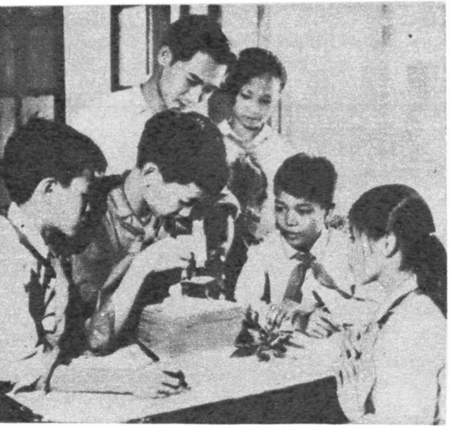

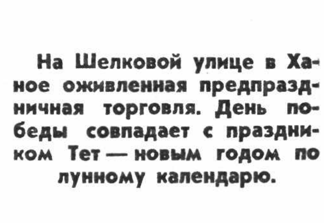
В новом сборочном цехе Ханойского механического завода. Предприятие построено при техническом содействии Советского Союза. Каждый пятый рабочий проходил практику в нашей стране. Теперь предприятие восстанавливается. Большую помощь в этом оказывает коллектив московского завода «Красный пролетарий».

Урожай первого мирного года. Более 600 сельскохозяйственных кооперативов выполнили план продажи риса государству.

Идет урок ботаники в одной из лучших школ провинции Намха.

На Шелковой улице в Ханое оживленная предпраздничная торговля. День победы совпадает с праздником Тет — новым годом по лунному календарю.

РУКОПОЖАТИЕ КУБЫ

Гавана. Вид на площадь Революции имени Хосе Марти.
Фото Дм. Бальтерманца

Недавно на улицах Гаваны появился новый плакат. Выполненный в строгой, лаконичной манере, он привлекает взгляд. На плакате изображены два государственных флага — СССР и Республики Кубы, а над ними две руки, сомкнувшиеся в крепком пожатии. Я увидел этот плакат на витрине огромного книжного магазина, что расположен в здании гостиницы «Гавана-Либре». Перед витриной стояли пожилой человек и мальчик лет шести, видимо, дед и внук. Дед объяснял:

— Вот флаг Кубы, вот — Советского Союза. Страна эта далеко за морями, но видишь, как мы крепко держимся за руки! Значит, мы друзья, настоящие друзья. Ты ведь знаешь, что такое дружба?

Мальчик кивнул, крепче ухватился за дедушкину ладонь и сказал:

— Это когда все вместе...

В сценке, невольным свидетелем которой я стал, как в капле воды, отразились чувства, которые испытывают кубинцы к родине Ленина.

Кубинский народ питает к нашей стране глубокие и давние симпатии. Когда над планетой только вспыхнул свет Октября и многочисленные враги пытались уничтожить Советскую власть, на Кубе прошли массовые демонстрации в поддержку революционной России. Трудящиеся острова собрали большую сумму денег и передали эти средства России, опустошенной огнем гражданской войны. С тех пор сильно изменилась политическая карта мира. 15 лет назад совершилась революция на Кубе. Ее эхо прокатилось по всему Западному полушарию. Первая страна в этой части света выбрала путь социализма. И как когда-то враги пытались удушить Страну Советов петлей блокады, так и на Кубе реакция хотела покончить с народной властью. Не вышло. Народ победил, и республика пошла по пути социализма, продолжая дело Октября. Фидель Кастро неоднократно подчеркивал, что кубинская революция не смогла бы победить, если бы в России не победил Великий Октябрь. «Наш народ связан с советским народом узами интернационализма и чувством самой искренней благодарности..,— говорил Фидель Кастро.— Подобных связей никогда не знала история отношений между странами! И это исторический факт, историческая истина. Наши отношения прочны и нерушимы».

Да, действительно, дружба наших народов испытана временем. Ведь это Советский Союз пришел на помощь революционной Кубе, когда империалисты взяли ее в кольцо блокады. Голос нашей родины не раз отрезвлял зарвавшихся реакционеров.

С каждым днем крепнет наша дружба в совместном труде, в совместных свершениях. Трудно назвать отрасль кубинской экономики, где бы не трудились рядом специалисты двух стран: геологи ведут совместный поиск природных богатств; гидростроители сооружают водохранилища, чтобы напоить жаждущую землю; вместе варят сталь советские и кубинские металлурги и вместе борются за жизнь советские

Корреспондент «Огонька» Ю. Свердлов обратился к послу Индии в СССР г-ну К. Шелванкару с просьбой в канун 24-й годовщины Республики Индии поделиться своими мыслями о развитии дружественных советско-индийских отношений. Г-н К. Шелванкар сказал:

26 января — двадцать четвертая годовщина Республики Индии.

НЕРАЗРЫВНЫЕ ОТНОШЕНИЯ ДРУЖБЫ

Принципы, на которых строятся отношения между Индией и Советским Союзом, хорошо известны во всем мире. Их можно охарактеризовать: дружба и сотрудничество на основе уважения суверенитета, территориальной целостности; невмешательство во внутренние дела друг друга; равноправие и взаимная выгода.

Особенно тесными дружба и сотрудничество индийского и советского народов стали после того, как Индия завоевала независимость. С тех пор отношения между нашими странами постоянно развиваются в самых различных областях, на разных уровнях. В частности, хочется отметить ставшими уже хорошей традицией взаимные визиты индийских и советских руководителей, их переговоры, которые вносят огромный вклад в дело упрочения дружбы между двумя государствами, в дело достижения мира и безопасности на нашей планете.

В связи с этим мне хотелось бы подчеркнуть исключительно важ-

---

ДЕЛИЙСКАЯ ВСТРЕЧА

Во время делийской встречи.

В Дели состоялась встреча писателей Индии и Советского Союза. На ней обсуждался вопрос о том, как может литература содействовать делу мира и развитию взаимопонимания между народами.

— Литература способна сыграть важную роль в упрочении мира,— говорил на этой встрече советский писатель Сергей Смирнов.

Индийский писатель Кришан Чандр подчеркнул: литератор должен быть уверен в том, что он выступает на стороне сил добра и истины во имя полноценной литературы.

Али Сардар Джафри, видный поэт, пишущий на языке урду, лауреат премии Джавахарлала Неру, призвал писателей к борьбе против неоколониализма, пытающегося поработить страны, недавно добившиеся политической независимости.

Бенгальский критик Чинмохан Сеханобис назвал поверхностную, легковесную литературу одним из способов уйти от действительности. Во все времена подлинная литература была и остается литературой гуманизма, а гуманизм немыслим без понимания мотивов человеческих поступков и без стремления прийти на помощь чужой беде.

Пенджабская поэтесса, лауреат Национальной премии Амрита Притам вернулась со Всемирного конгресса миролюбивых сил в Москве, потрясенная рассказом Ортенсии Бусси де Альенде о чилийской трагедии и о последних минутах героической жизни ее мужа.

— Я перевела и напечатала одно из последних стихотворений Пабло Неруды,— рассказала Амрита Притам.— А драматург Хабиб Танвир, который был делегатом Московского конгресса, пишет сейчас пьесу о гибели Сальвадора Альенде. Передвижной театр поедет с этой пьесой по индийским деревням, чтобы простые люди Индии знали о чилийской трагедии и об опасности фашизма.

Бхишам Сахни, прозаик, пишущий на языке хинди, был в сентябре этого года в Алма-Ате как делегат V конференции писателей Азии и Африки.

и кубинские врачи. Из рыбного порта Гаваны выходят на промысел суда, где работают смешанные советско-кубинские экипажи. И, как в родной дом, заходят на ремонт в Гавану советские корабли. Всего не перечислишь.

Революционная Куба являет собой пример того, что может быть достигнуто свободным народом под руководством марксистско-ленинской партии.

Сейчас повсюду здесь царит приподнятое настроение. Страна ждет высокого гостя из Советского Союза — Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежнева. Об этом пишут газеты, рассказывают радио и телевидение. Об этом говорят труженики села и студенты, рыбаки и строители, инженеры и рубщики сахарного тростника.

На строительстве города-спутника Аламар, неподалеку от Гаваны, строитель Ласаро Менендес сказал мне:

— Наш маленький остров совсем недавно сбросил иго «большого соседа». Мы хорошо знаем, какую огромную помощь в нашем становлении, как свободной и независимой страны, оказал Советский Союз. Мы строим жилье, так необходимое людям. Строим неплохо и довольно быстро. У нас работают подъемные краны, бульдозеры и другое оборудование, которое мы получили из СССР. Сданы новоселам тысячи квартир, и двери всех готовы широко распахнуться перед дорогим советским гостем, чтобы еще раз выразить нашу глубокую дружбу и уважение к родине Ленина. Если товарищ Брежнев придет к нам на стройку, мы покажем ему, как выглядят на деле наши совместные успехи, успехи Кубы и СССР.

А вот что думает рабочий сахарного завода Энрике Брусар:

— Вырос я уже после революции. Все, что есть у меня, у моей семьи, у всего кубинского народа, дала нам народная власть. И сколько я себя помню, в моем сознании всегда рядом Октябрь и наша революция. Мы это ощущаем постоянно, каждый день в большом и малом. Вот почему мы всегда будем верны искреннему и верному другу — Советскому Союзу, советскому народу. Мы знаем, что всех своих главных побед советский народ добился под руководством Коммунистической партии. К нам на Кубу приезжает Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев. Нас радует этот визит. Мы постараемся встретить посланца страны Октября новыми трудовыми успехами. Это будет наш вклад в советско-кубинскую дружбу, в укрепление мирового социализма.

С таким настроением ждет Остров Свободы высокого советского гостя.

Геннадий ЗАФЕСОВ

Гавана, по телефону.

ное значение заключенного между Индией и СССР в августе 1971 года Договора о мире, дружбе и сотрудничестве, который знаменует собой новый этап в укреплении добрых отношений между двумя странами. Договор стал могучим фактором укрепления мира и стабильности в Азии и во всем мире.

Глубокий след в общественно-политической жизни Индии своими богатыми и многогранными результатами оставил недавний визит в нашу страну Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева. Взаимопонимание и соглашения, достигнутые в результате переговоров Индиры Ганди и ее коллег с Л. И. Брежневым, способствовали углублению индийско-советских отношений, а также открыли новые перспективы в развитии сотрудничества в политической, экономической, научно-технической, культурной и других областях. Мы глубоко убеждены в том, что расширение такого сотрудничества — это большое благо для наших стран и народов.

Теперь, когда вся Индия отмечает свой национальный праздник — День Республики, я хотел бы передать через журнал «Огонек» чувства уважения и горячей симпатии индийского народа к советскому народу. С каждым годом эти чувства становятся все глубже и прочнее, являясь ярким свидетельством неразрывных дружественных отношений двух государств и ценным достоянием обоих народов.

— С особой ясностью почувствовал я,— говорил на делийской встрече Бхишам Сахни,— что мы живем в едином и неделимом мире и что Азия и Африка, объединенные общим колониальным прошлым, сейчас несут полную ответственность за судьбы будущего. Долг современной литературы — заставить человека задуматься, а это происходит, когда писатель связан с жизнью своего народа.

Молодой поэт Шрикант Варма, в свою очередь, подчеркнул на встрече, что Советский Союз открыл новую эру во взаимопонимании между народами, взаимопонимании, основанном на общей заинтересованности в предотвращении новой мировой войны.

Прозаик из Кералы — Тхакажи. Его произведения, переведенные с языка малаялам, хорошо известны в Советском Союзе. «Ни одна страна на свете,— говорил он на встрече,— не делает так много для мира на земле, как Советский Союз, который вводит в международную практику принципы общения, действительно достойные социалистической страны».

Секретарь Правления Союза писателей СССР, казахский прозаик Ануар Алимжанов подчеркнул: чувство причастности писателей ко всему происходящему на земле и прямая ответственность за счастье или беду человека становятся важнейшей характеристикой прогрессивной литературы наших дней.

Делийская встреча продемонстрировала общность взглядов индийских и советских писателей, воспевающих мир, созидание и прогресс человеческий. Эта общность — одно из многочисленных проявлений дружбы между нашими народами, которая нашла такое яркое выражение во время недавнего дружественного визита в Индию Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева.

И сегодня, в День Республики Индии, советские писатели шлют сердечный привет своим индийским братьям по перу, всему великому индийскому народу.

М. САЛГАНИК

ЗА РЕАЛЬНЫЙ ПОДХОД

Дмитрий СТЕПАНОВ

«Четвертая война», которую израильские экстремисты развязали против Египта и Сирии в октябре прошлого года, оказалась самой дорогостоящей по сравнению с тремя предыдущими. По оценке иностранных наблюдателей, она обошлась Израилю в пять миллиардов долларов — сумму, превышающую весь государственный бюджет страны в 1973 году. По данным тель-авивской буржуазной газеты «Маарив», октябрьская авантюра привела к потере только одних военных материалов и техники на сумму в один миллиард долларов. Экономика страны оказалась в таком положении, в каком она еще не находилась за все годы существования государства Израиль. Выпуск продукции на израильских промышленных предприятиях и в киббуцах сократился на 50 процентов!

Чтобы как-то справиться с возникшими экономическими и финансовыми трудностями, правительство приняло ряд чрезвычайных мер, которые легли главным образом на плечи трудящихся слоев населения. По данным итальянского журнала «Панорама», на 30 процентов была повышена плата за электроэнергию, подняты цены на телевизоры, стиральные машины, обувь, мебель, сигареты, значительно повысилась квартплата. В целом же цены на потребительские товары в стране за короткий срок подскочили на 55 процентов!

Четвертая арабо-израильская война привела и к тому, что сейчас в стране насчитываются тысячи и тысячи осиротевших семей, ранеными переполнены больницы и туристские пансионаты, население живет с чувством постоянного страха. В массах израильского народа растут недовольство, возмущение и протест против авантюристического курса политики, проводимой Тель-Авивом.

Следует заметить, что экономическое положение в Израиле было далеко не блестящим и до октябрьских событий. Беспрерывная инфляция, систематическое снижение жизненного уровня, общее наступление израильских монополий на социальные и жизненные права трудящихся приводили к массовому забастовочному движению. Вот что говорят факты последних лет. Так, если в 1969 году в стране состоялось 114 всеобщих забастовок, причем многие из них без согласия руководства «Гистадрут» (Всеобщая федерация профсоюзов Израиля), то в 1972 году их было уже 148 плюс 92 частичные забастовки. За первую половину прошлого года, по данным парижской газеты «Либерасьон», в результате всеобщих забастовок было потеряно 280 тысяч рабочих дней, или на 20 процентов больше, чем в предыдущем году. Как известно, в этот период бастовали рабочие многих отраслей промышленности, медицинские работники, учителя, работники коммунального хозяйства, служащие государственных учреждений.

Таковы печальные итоги ушедшего года для широких масс Израиля. То, что наблюдается сейчас в экономике, в настроениях рядового израильтянина, страна, пожалуй, не знала за всю историю своего существования. Народ устал от войны.

Полное фиаско потерпела основная концепция правящих сионистских кругов Израиля, гласившая, что, служа интересам глобальной стратегии американского империализма на Ближнем Востоке и в других районах мира, Тель-Авив сможет-де с позиции силы осуществлять свои экспансионистские устремления и даже... ликвидировать национальное существование героического арабского народа Палестины. Этот сионистский миф, как и миф о «непобедимости» израильской армии, был развеян навсегда в песках Синайской пустыни и на каменистых Голанских высотах в течение нескольких дней октября 1973 года.

Израильтяне все еще находятся в состоянии шока, они никак не могут оправиться от октябрьского потрясения. Сейчас многие начинают понимать, что главная причина острейшего политического и общественного кризиса в стране кроется в том, что официальная политика сионистских правителей Израиля оказалась в полном противоречии с реальностью, существующей как на Ближнем Востоке, так и во всем мире.

Насколько все это понимают правящие круги страны, покажет ближайшее будущее, в частности поведение израильских представителей на Женевской конференции. Ибо, как заявил член Политбюро ЦК КПСС, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко на этой конференции, «ставка на то, что удастся удержать оккупированные территории, опираясь на силу,— бесперспективна. Необходимость иного, реалистического подхода к вопросам войны и мира на Ближнем Востоке, о чем всегда говорил Советский Союз, становится безотлагательной».

Можно только приветствовать достижение соглашения по разъединению войск в районе Суэцкого канала. Но это лишь начало. Впереди политическое урегулирование всей ближневосточной проблемы. Успех ее во многом будет зависеть от реализма Тель-Авива.

1924 1974

ГОРОД ЛЕНИНА

С тревогой следили питерские рабочие за состоянием здоровья Владимира Ильича. Ни одно собрание не обходилось без того, чтобы в повестку дня не включили волнующий всех вопрос: как чувствует себя Ленин? С берегов Невы шли в Кремль письма, телеграммы, полные тревоги, заботы о здоровье Владимира Ильича.

«...С замиранием сердца рабочие Волховстройки и всего мира следят за бюллетенем о твоем здоровье и шлют горячее и искреннее пожелание скорейшего выздоровления...»

«...Мы, пролетарии-балтийцы, с затаенным дыханием следим за ходом твоей болезни и ждем, когда ты выздоровеешь и вновь станешь во главе пролетариев всего мира».

«Рабочие и служащие Государственного фарфорового завода... шлют тебе, Владимир Ильич, свой пламенный пролетарский привет. Скорей выздоравливай. Здравствуй для всемирной коммунистической революции!»

«Сердечный привет тебе, дорогой Ильич, шлют питерские рабочие, собравшиеся на свой очередной губернский съезд профсоюзов... Выздоравливай, дорогой товарищ, и становись на свое место рулевого...»

«...Все мы ждем с нетерпением того дня, когда бюллетень в газетах скажет, что ты вполне здоров. Выздоравливай же скорее, наш дорогой Ильич! Мы твердо верим, что пламя революции, зажженное тобою, вспыхнет ярким пожаром во всех странах... Комсомольцы текстильной фабрики «Шерис».

Но стужей дохнула страшная весть: не стало Ильича! Вождь мирового пролетариата умер. Болью отозвалась в сердцах рабочих Петрограда и трудящихся всего мира смерть Ленина.

На митинге рабочих Северной судостроительной верфи принимается резолюция:

«...Мы знаем, что пролетариат России и всего мира в лице Владимира Ильича потерял наилучшего своего борца за освобождение рабочего класса. Товарищ Ленин умер физически, но его мысль, его идеи всегда будут жить в сердцах пролетариата. Пусть враги рабочего класса со смертью тов. Ленина не питают никаких надежд. Его дело — в надежных руках. Мы даем свою клятву и обещание, что будем бороться и доведем начатое им дело до конца, несмотря ни на какие препятствия, которые будут стоять на нашем пути...»

Судостроители обратились к рабочим Красного Питера с предложением увековечить память Ильича: создать фонд помощи борцам Международной революции имени Ленина и переименовать Петроград в Ленинград.

Резолюции с такой же просьбой шли в Москву со многих предприятий Питера. Рабочие по-разному излагали эту свою просьбу.

«...Мы ходатайствуем, чтобы колыбель нашей социальной революции Петроград,— писали рабочие завода «Большевик»,— носил почетное имя тов. Ленина».

«Мы, рабочие и работницы фабрики «Возрождение», просим ЦК РКП войти с ходатайством в центр о переименовании гор. Петрограда в город Ленина».

Поддерживая просьбу питерцев, Президиум Петроградского губисполкома направил Президиуму ВЦИК телеграмму:

«Пленум Петроградского Совета рабочих, крестьянских депутатов на траурном заседании 23 января по случаю смерти товарища Ленина совместно с Петроградским губернским исполнительным комитетом и представителями всех питерских рабочих организаций постановил город Петроград переименовать в Ленинград и просить Президиум ВЦИК срочно утвердить означенное постановление.

Сообщая о сем, Губернский исполнительный комитет и Губернский комитет Российской Коммунистической партии просят срочного ответа по существу».

С ответом не замедлили. 26 января открылся Второй съезд Советов СССР. Первое заседание было посвящено памяти Владимира Ильича Ленина. Председательствующий Григорий Иванович Петровский предоставил слово Михаилу Ивановичу Калинину:

— По поручению ЦИК Союза ССР и Петроградского исполкома я оглашу проект постановления Второго съезда Союза ССР о переименовании города Петроград в Ленинград.

Речь Михаила Ивановича была краткой. Он отметил, что за все 25 лет руководства партией Лениным Петроград был цитаделью Коммунистической партии. Рабочий класс города был тесно связан с Лениным. Вот почему предложение петроградского пролетариата должно найти живой отклик и среди делегатов съезда.

И оно нашло единодушный отклик всех 2 124 делегатов. Вот это историческое постановление:

«Красный Петроград — колыбель пролетарской революции. Заслуги петроградских рабочих перед нашим Союзом Советских Социалистических Республик неизмеримо велики. Великие события Октября 1917 года, решившие судьбу нашей страны, произошли именно в Петрограде. Десятки и сотни тысяч петроградских рабочих первые пошли за товарищем Лениным в огонь и составили первые железные отряды той армии, с которой Владимир Ильич Ленин победил буржуазию. В Петрограде великая пролетарская революция одержала первую, решающую победу. Здесь создавались первые отряды пролетарской красной гвардии, и здесь заложена была основа Красной Армии. Ни голод, ни холод, ни блокада, ни десятки других бедствий не сломили духа пролетарского Петрограда. Как неприступная скала, высился все эти годы Красный Петроград, оставшийся поныне первой цитаделью Советской власти. Отсюда, по зову тов. Ленина, вышли десятки рабочих — строителей новой России, вернейших проводников идей В. И. Ленина. Расцвет революционной деятельности В. И. Ленина начался в Петрограде. В этом городе было создано первое рабоче-крестьянское правительство в мире.

Ввиду всего этого II съезд Советов Союза Советских Социалистических Республик считает вполне справедливым удовлетворить просьбу Петроградского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, поддержанную резолюциями рабочих всех фабрик и заводов Петрограда, о переименовании города Петрограда в Ленинград.

Пусть отныне этот крупнейший центр пролетарской революции навсегда будет связан с именем величайшего из вождей пролетариата — Владимира Ильича Ульянова-Ленина».

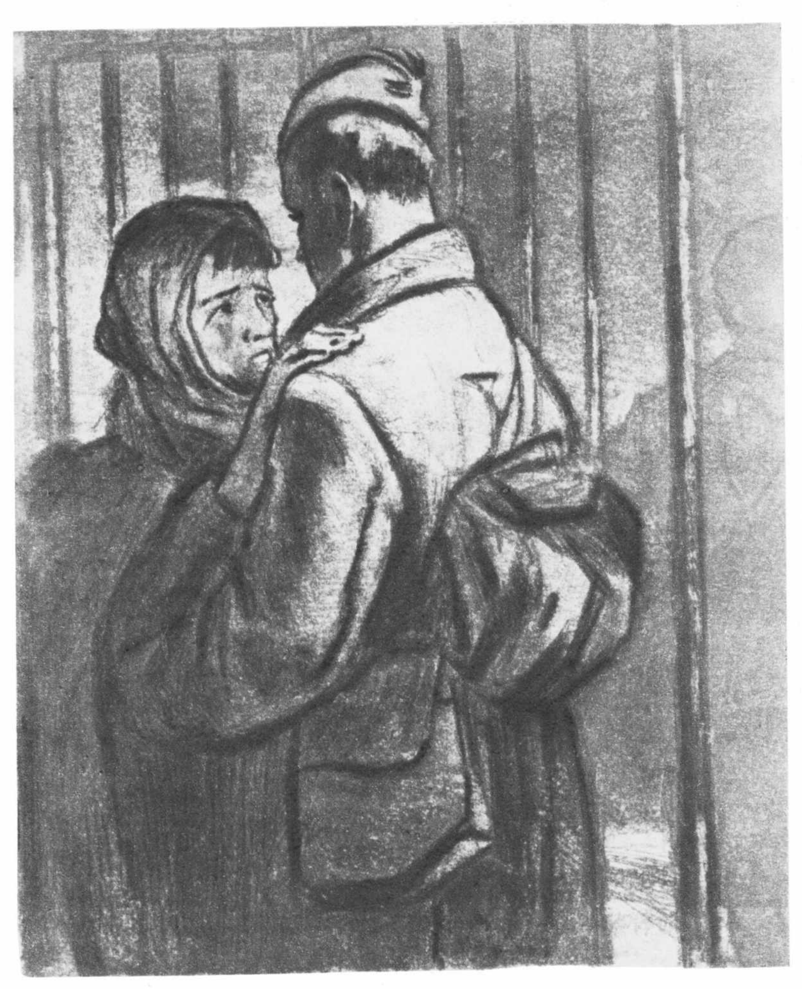
Город на Неве стал городом Ленина.

В. Серов. БАЛТИЙСКИЙ ДЕСАНТ. 1942 ГОД.

Ю. Непринцев. НОЯБРЬ 1941 ГОДА.

Ю. Непринцев. ЯНВАРЬ 1942 года.

А. Пахомов. ОЧИСТКА ГОРОДА. 1942.

ЛИЦО ВОЙНЫ

Чем дальше в историю уходит суровая пора Великой Отечественной войны, тем зримее, отчетливее проступают черты того сплава воинской доблести, героического труда, мужества, терпения и отваги, имя которому — подвиг народа. Художники России отдавали все силы борьбе за свободу Родины — смысл этих слов самый полный: мастера кисти и резца, влившись в ряды защитников Ленинграда и Москвы, Тулы и Новгорода, копали противотанковые рвы и строили укрепления, они дежурили по ночам на крышах и становились донорами, но они же, смертельно уставшие, успевали делать и главное дело своей жизни — для современников и далеких потомков они запечатлевали события грозных лет, в разных стилях и манерах писали один портрет: нынче с многочисленных полотен, с гравюр и литографий, с плакатов и листовок на нас сквозь десятилетия смотрит лицо войны.

Одними из наиболее известных стали работы художников героического Ленинграда — знаменитая серия «Ленинград в дни блокады» А. Пахомова, картины В. Серова, И. Серебряного, скульптуры Н. Томского, полотна и листы Ю. Непринцева и других художников, для которых тема блокадного Ленинграда, тема героического сопротивления советского народа гитлеровским захватчикам стала неотъемлемым содержанием творчества.

Пройдут десятилетия, но будут всегда произведения искусства военных лет напоминать нам о великой освободительной борьбе, о крови и лишениях, о смерти и бессмертии, о муках голода и сковавших землю морозах — великое и незабываемое в истории нашей Родины будут бережно хранить и воссоздавать в памяти народной эти рожденные художниками подлинные документы героической эпохи.

Ю. Непринцев. ОСЕНЬ. 1942 года.

Огонь по вражеским самолетам зенитки ведут с площади перед Исаакиевским собором.

СУДЬБЫ И ГОДЫ

Н. ХРАБРОВА,
К. ЧЕРЕВКОВ,
специальные корреспонденты «Огонька»

Фото Б. КУДОЯРОВА
и Д. ТРАХТЕНБЕРГА.

После вражеской бомбежки города.

В тот день в Ленинграде было морозно. Иней посеребрил черные деревья и чугунные решетки, снег припорошил тротуары и мостовые. Город был чист и прекрасен.

А мы вспоминали окаменевшие сугробы на Невском, глубокие узкие тропинки к речным прорубям, заколоченные фанерой окна, торчащие из форточек трубы «буржуек».

Многое можно вспомнить. Нельзя не вспомнить. Потому что сегодня день такой: мы идем на встречу блокадных мальчишек и воинов-освободителей. Точнее, бывших мальчишек.

В гостиную Дворца пионеров входит невысокий худощавый мужчина. Да ведь это же знаменитый Василий Васильевич — мальчишка-фрезеровщик с картины ленинградского художника Алексея Федоровича Пахомова «Для фронта» («Василий Васильевич»). 1943 г.». Пришел как-то художник на завод, попросил познакомить его с лучшими рабочими.

— Все трудятся не щадя себя. Можете рисовать Иванова,— сказал парторг.

— Ну, хорошо, я похожу, посмотрю сам.

И Пахомов пошел по цеху. У фрезерного станка — сосредоточенный и хмурый парнишка. На лацкане старенького пиджака — медаль. Взрослые называют его «бригадиром» или почтительно «Василием Васильевичем». На вопросы он отвечал коротко, точно, в долгие разговоры не вступал. Таким и написал его художник. Вечером в цех заглянул парторг, одобрил:

— Вот и прекрасно, что выбрали Иванова: один из наших лучших бригадиров. Сам отвозил на фронт свои пулеметы.

— Это тот Иванов, о котором вы говорили! — удивился художник.— Сколько же ему лет!

— Четырнадцать,— ответил парторг...

Василий Васильевич Иванов, бригадир фрезеровщиков завода «Полиграфмаш», мало изменился: немногословен, как в юности. Только к медалям прибавилась еще одна правительственная награда — орден Трудового Красного Знамени.

— Я думаю,— говорит он,— что самое главное для рабочего — опережать время. У меня в бригаде фрезеровщики пятилетку завершают.

...Вокруг большого стола сидят пионеры — красные следопыты, генералы и офицеры — защитники Ленинграда и они, бывшие блокадные мальчишки. Знакомит их друг с другом Альфред Федорович Кузьмин.

Морской патруль на набережной Невы.

Что самое главное в судьбе Альфреда Кузьмина! Может быть, давняя мечта строить корабли! И если бы не война, она, пожалуй, исполнилась бы: Алик Кузьмин учился в судостроительном ремесленном училище. А может быть, первые дни войны, когда он со своим товарищем Павликом Филимоновым бегал из одного военкомата в другой! Подымались на цыпочки, стараясь казаться повыше,— ведь мальчишкам не было еще шестнадцати. Или тот день, когда их наконец приняли в народное ополчение!

Взрослел Кузьмин в боях. Два наших дота под Русско-Высоцким остались в тылу врага. Наполненные пороховыми газами, доты вели такой огонь по врагу, что немецкие танки боялись

Они остались без крова.

Скоро кони Аничкова моста вновь займут свои обычные места.

Очередь за водой.

Эвакуация ленинградцев весной 1942 года.

На Невском проспекте.

к ним подойти. На куполе дота, корректируя огонь, погиб Павлик Филимонов. Кузьмин, выполняя задание командира гарнизона, пополз искать штаб батальона...

Родители получили извещение, что сын их, Альфред Кузьмин, пропал без вести. Но он никуда не прспадал: лежал без сознания в госпитале.

Дважды за войну потрясал он своим «воскрешением из мертвых» потерявшую всякие надежды мать. Трижды за четыре года он уходил на фронт. Войну закончил в Германии младшим лейтенантом.

А может быть, главное — память?

Прорыв вражесксго кольца. Встреча воинов Волховского и Ленинградского фронтов. Январь 1943 года.

Память... Теперь она спрессовывается в страницы его книг, в строки его стихотворений. Для Альфреда Кузьмина, слишком молодого, чтобы быть ветераном войны, и все же ветерана, сейчас, пожалуй, главное — память о боевых друзьях.

...18 января 1969 года в ленинградской газете «Смена» было опубликовано такое приветствие: «Мы гордимся тобой, Володя! Ты вывел подвиг блокадных мальчишек с Васильевского острова на космическую высоту. С благополучным возвращением на родную землю! По поручению несовершеннолетних добровольцев — блокадных мальчишек со 2-й линии, учившихся вместе с тобой в школе, Альфред Кузьмин».

Приветствие это было адресовано космонавту Владимиру Александровичу Шаталову.

...Ходили летом 1941 года по Васильевскому острову мальчишки, собирали во дворах бутылки, отвозили туда, где их наполняли зажигательной смесью. И Володя Шаталов искал бутылки, отвозил на склад на коне Арапе, и было тогда мальчику тринадцать лет. Потом ребята постарше отправились на сооружение оборонительных рубежей. С ними — и Володя. Кто рыл окопы, знает, как трудно становится к вечеру, привыкаешь к работе лишь в конце недели. Кровавые пузыри на ладонях превращаются в мозоли, холод и дождь уже безразличны. И к бомбежке в конце концов тоже привыкаешь. Важно успеть вырыть траншеи, поставить заграждения, не пропустить врага. А фронт близится, и никак нельзя Володе иначе — надо на фронт. Помог отец: взял в свою военизированную железнодорожную часть. Юный воин грузил шпалы, стоял в карауле, учился стрелять и ползать по-пластунски. Готовился к настоящим боям, думал, как уйти на передовую. И ушел бы, если бы не ранило его на посту вблизи передовой. А потом потерявшего сознание подростка через Ладогу вывезли на Большую землю.

Всему миру теперь известно имя героя космоса, юного героя обороны Ленинграда Владимира Шаталова.

...Пришли во Дворец пионеров и те мальчишки, которым в эту блокадную пору возраст не позволил ринуться в бой. Зато Олег Суровин, Иван Пушкин, Владимир Дашкевич и Юрий Харитонов ринулись в труд. Олег Суровин стал кораблестроителем: он вместе с Альфредом Кузьминым учился в судостроительном ремесленном, и после демобилизации Альфреда (по ранению) они встретились в одном цехе — ремонтировали линкор «Октябрьская революция». Отремонтированный линкор встал на Неве и бил из всех орудий по фашистам. Олег Константинович Суровин по-прежнему работает на судостроительном.

Иван Пушкин из того же ремесленного № 1 был чуть постарше — он успел поработать, а потом с боями дошел до Берлина.

Девочка-пионерка спрашивает у Владимира Дашкевича, как жилось в блокаду.

— Как всем,— ответил Владимир Антонович.— Получали двести пятьдесят граммов блокадного хлеба, ну, и кипяток был. Как в песне жил: «восемь девок, один я». Никогда мне не забыть тех восьмерых девчонок, худеньких и бледных. Откуда у них силы брались, да какие силы! Не покидали цеха, нельзя было покидать: наш цех делал минометы.

— Вместе с Дашкевичем делал минометы и я,— дополняет Юрий Григорьевич Харитонов.— Так с тех пор и работаем вместе на Металлическом. Но теперь делаем турбины.

...Изольда Вышковская в голодные, темные и холодные месяцы ходила в детский сад. Видела горящие дома. Видела мертвых на лестничных площадках. Мать Изольды Сусанна Константиновна работала на Адмиралтейском заводе, возила на Невскую заставу гильзы для снарядов. Бывало так, что мать по нескольку дней не появлялась дома. Возвращаясь однажды из очередного рейса, она узнала, что фашисты разбомбили детский сад. Мать помчалась на Пискаревское кладбище, считая, что, как и все погибшие, девочка в братской могиле. Там она и оставила фотографию дочери. Не знала Сусанна Константиновна, что в тот день дочь опоздала в детский сад. Во время воздушной тревоги матросы отвели Изольду в бомбоубежище.

— Дяденьки,— сказала девочка обессилевшим голосом,— я очень хочу есть.

Матросы достали из вещевых мешков свои скудные пайки, разломали на кусочки, раздали старикам и детям. Блокадный хлеб. Его не забыть. Немало сейчас ленинградцев, которые приносят на братские могилы не цветы, а ломтики черного хлеба.

Но вот кончилась воздушная тревога, Изольда пошла домой и увидела: двое мужчин, поддерживая под руки, ведут поникшую женщину.

— Мамочка! — закричала Изольда.

Мать резко обернулась. Увидела дочь, обняла и вместе с ней кинулась на Пискаревское — снять фотографию, стереть имя дочери с братской могилы.

...Воевал у стен Ленинграда Федор Трофимович Дьяченко. Едва хватило на его пиджаке места для боевых наград. Речь у него неторопливая, с юмором.

— Зачинателем снайперского движения на Ленинградском фронте был Феодосий Смолячков,— рассказывает Дьяченко.

А о том, что сам уложил из снайперской винтовки 425 фашистов, ни полслова. Когда ему об этом напомнили, возразил:

— Так разве я один смог бы столько!.. Мне артиллеристы помогали. Вот сидит рядом со мной генерал-лейтенант Иван Павлович Кныш, начальник артиллерии моей дивизии. Выпала генералу великая честь — дважды оборонять наш город. В девятнадцатом — от Юденича, в Великую Отечественную войну — от фашистов. В девятнадцатом, прямо с лесной полянки, с партийного собрания, где он стал коммунистом,— на бронепоезд «Молния-6» и в бой. В Великую Отечественную его артиллерия выкуривала фашистов из траншей и блиндажей, а мне только на мушку оставалось брать их.

Несколько лет назад Федор Трофимович вместе с рабочими Кировского завода ездил в Вешенскую. Михаил Александрович Шолохов внимательно прислушивался к каждому слову снайпера, а говорил он о советской литературе. Говорил не только как читатель, но и как человек, сам к ней причастный: он написал книгу военных воспоминаний. А когда Шолохов узнал, что снайпер живет в новом районе, там, где были оборонительный рубеж и огневая точка Федора Трофимовича, Михаил Александрович сказал ему:

— Вот приеду в Ленинград и заночую в твоей квартире.

Защищая Ленинград, Дьяченко позади себя видел Кировский завод. Сюда и пришел после войны. Он и сейчас работает на этом прославленном заводе.

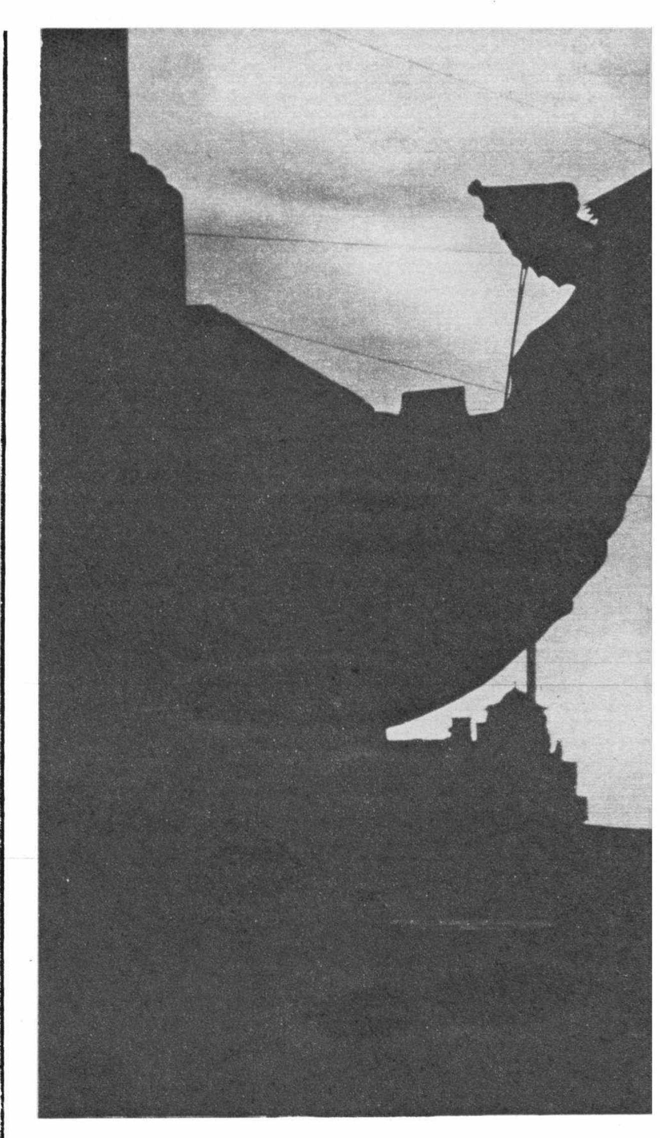
...Алексей Прядехин в канун войны избрал самую мирную профессию — пошел учиться на кондитера. Летом сорок первого фашисты подошли к Луге. И первый бой под Лугой Алексей Прядехин принял в рядах народного ополчения, отбивая танковые атаки. Воевал минометчик Прядехин и на знаменитом «Невском пятачке», где солдаты всю зиму не видели снега: он сразу таял в огне войны. Однажды спасло его от неминуемой гибели солдатское братство: из-под огня Прядехина вытащил командир Алексей Голубев. Вытащил, а сам погиб.

Сейчас Алексей Прядехин, майор в отставке, воспитывает молодое поколение рабочих.

...Выступают заслуженные генералы, почетные граждане близких к Ленинграду городов. Названия их говорят о путях, по которым генералы вели свои войска на прорыв вражеской блокады. Генерал Иван Павлович Кныш — почетный гражданин Гатчины, Семен Николаевич Борщев — Луги, Виктор Антонович Вержбицкий — Тосно. Берет слово и генерал Николай Константинович Богатин. Теперь он командует необычным подразделением, в котором сто двадцать тысяч офицеров и рядовых всех родов войск: генерал Богатин — один из руководителей ленинградской секции ветеранов войны.

...Зима 1973 года. Дворец пионеров. Поздний вечер. Пора по домам. Но никто не расходится. Многое, очень многое нужно сегодня вспомнить героям прорыва блокады. И не случайно седовласый генерал на прощание прочитал стихи бывшего блокадного мальчишки, теперь журналиста-правдиста Юрия Воронова:

...Нам в сорок третьем выдали медали
И только в сорок пятом — паспорта...

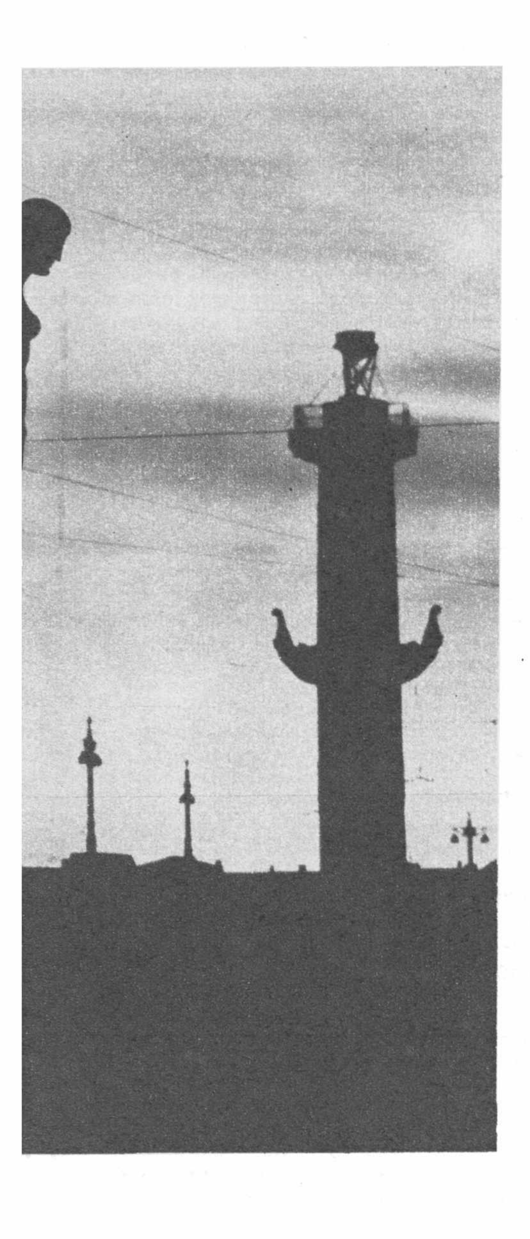
У ростральных колонн.

ЛЕН И ...С

Сергей ВОРОНИН

...Сердобольская улица, дом № 1.

Я живу неподалеку от этой улицы и всякий раз, когда прохожу по ней, смотрю на большой питерский дом. В нем, на последней своей конспиративной квартире, жил Владимир Ильич Ленин. Гляжу и пытаюсь представить в сегодняшнем многолюдье нашего города, в бесконечном потоке машин, в свете неоновых и электрических огней тихую окраину Петрограда того времени, освещаемую керосиновыми лампами, с тусклыми фонарями, без тротуаров, с грязью проезжих дорог, с редким извозчиком. Тихо. Безлюдно. И вместе с тем внутренне накалено. Выборгская сторона — цитадель большевистской партии. Сюда даже шпики редко заглядывали. Побаивались. Обо всем этом был прекрасно осведомлен Центральный Комитет партии, когда поручил Надежде Константиновне Крупской подыскать жилье Владимиру Ильичу, приехавшему в Петроград из Выборга. Рассказывают, когда Владимир Ильич благополучно пересек границу и вошел в квартиру М. В. Фофановой, то «заметил с сожалением, что в ней нет черного хо-

На Неве.

ИНГРАД ЛЕНИНГРАДЦЫ

да. Но, выйдя на балкон, Ленин обратил внимание на водосточную трубу: по ней, в случае опасности, можно спуститься вниз — окно близ трубы он попросил не замазывать на зиму. Он попросил также оторвать от забора во дворе две доски и лишь слегка прикрепить их, чтобы в случае облавы можно было уйти от преследования...»

В дни перед Октябрьским вооруженным восстанием Владимир Ильич вел колоссальную по напряженности и действенности работу. Каждый день был насыщен до предела. У себя на квартире он созвал совещание руководителей Военной организации при ЦК; здесь были написаны «Письмо к членам партии большевиков»; «Письмо в Центральный Комитет РСДРП(б)», в котором Ленин заклеймил предательство Каменева и Зиновьева, выдавших врагам секретное решение ЦК о сроках восстания. 24 октября — письмо членам ЦК: «...ни в коем случае не оставлять власти в руках Керенского и компании до 25-го, никоим образом; решать дело сегодня непременно вечером или ночью». Письмо содержало изумительные по своей силе и выразительности слова: «...промедление в восстании смерти подобно...».

Последняя конспиративная квартира. Отсюда путь к Смольному.

«Ушел туда, куда Вы не хотели, чтобы я уходил. До свидания... Ильич». Оставил он записку Фофановой. Это означало: Ленин вышел из подполья.

Кажется, сам воздух в нашем городе пронизан светом ленинских деяний. Дворцовая площадь, Зимний, Смольный, Таврический дворец, университет, Марсово поле, Финляндский вокзал, Петропавловская крепость... Все это, созданное задолго до Октябрьской революции, неразрывно связано с нею, с именем Ленина. Теперь уже и в голову никому не придет связывать Зимний дворец в первую очередь с резиденцией императоров, с их пышными приемами, балами. При слове «Зимний» сразу же вспыхивает в сознании штурм дворца. Смольный... И в памяти возникает штаб Октябрьской революции. Отсюда летели во все концы России ленинские декреты, отсюда Ленин руководил революционным народом...

Финляндский вокзал. Против него, у Невы, стоит памятник. На всемирно известном броневике — Ленин. А под стеклянным куполом на вокзале — паровоз № 293, на котором Ленин прибыл из Выборга в Петроград.

Да, здесь многое связано с именем Ленина. Мраморные плиты установлены на стенах зданий, где жил Владимир Ильич, скрываясь от царской охранки, где выступал перед народом, где создавал свои бессмертные труды. На лучших площадях нашего города стоят ему памятники.

Город Ленина!

...Впервые я увидел его и запомнил на всю жизнь в тот день, когда мимо меня, пятилетнего мальчишки, пыля и подскакивая по каменной площади, пронесся грузовик с матросами. На матросах — вперекрест пулеметные ленты. Грузовик промчался, а я все стоял, и смотрел ему вслед, и видел тусклую громаду Исаакиевского собора, видел памятник Нико-

лаю Первому. Но не они запомнились мне, а матросы. Поразило новое, доселе невиданное. И все последующие годы, вся моя жизнь так и прошла в этом городе под знаком нового! Ленинского!

Здесь я, как и тысячи моих сверстников, шагал вместе с ленинской пионерией по улицам и площадям. Здесь вступал в Ленинский комсомол, а потом в партию. Рос, взрослел. И на моих глазах менялся город.

Я помню его с булыжной мостовой, с лихачами и грузными битюгами, с беспризорниками, с дежурными дворниками у ворот, с тусклыми лампочками в железных сетках — город моего детства.

Помню его замершим в траурной скорби. Стояли машины, извозчики, прохожие. Стояли недвижимо. И только ветер проносился по улицам, подхватывая снежную пыль, развевая траурные флаги. Ревели гудки заводов и фабрик. Их протяжный стон все сильнее разносился над городом, и все тревожнее становилось на сердце. Это прощался с Лениным мой город. Город, который стал с той поры называться ЛЕНИНГРАДОМ!

Незаметно менялся его облик. Все гуще сплеталась сеть трамвайных путей. Все больше проспектов и улиц покрывалось асфальтом. Все светлее становилось от лампочек «Светланы» в домах. Все больше появлялось школ и высших учебных заведений.

Удивительно, как тесно переплетена жизнь каждого из нас с нашим городом. Все, что происходило в нем, происходило и с нами. История города воистину состоит из биографий поколений.

...Первые годы Советской власти. Надо только представить, какая громадная ответственность перед народом, перед Россией легла на плечи питерцев, совершивших революцию. Недвижимо стояли заводы. Молчали фабрики. Чтобы пустить, требовались технические кадры. А их не было. Но пришли «красные директоры», вчерашние красногвардейцы, пришли «красные экономисты», вчерашние рабфаковцы, пришли рабочие, советские инженеры. И заводы день ото дня стали набирать все большую мощность, дружнее загудели станки на фабриках. Выходит на поле коммун первый трактор «Фордзон-путиловец», создается первый гидрогенератор, который ляжет в основу мощного турбиностроения. Проходит всего два пятилетия — и вчерашние малограмотные рабочие-питерцы создают такие совершенные станки, такую машиностроительную технику, что отпадает всякая необходимость в закупке техники в капиталистических странах. Из ворот Кировского завода, бывшего «Красного путиловца», выходят все более совершенные тракторы. На Металлическом строятся мощнейшие турбины. Появляются свои, отечественные блюминги. На высоковольтных линиях передач применяется ленинградский кабель. Все новая и новая отличная техника выходит из ворот ленинградских заводов, техника, решающая судьбу индустриализации и электрификации всей страны.

Уже перед Великой Отечественной войной промышленность Ленинграда выпускала продукции больше, чем вся царская Россия в 1913 году.

И вот война. Кто не знает о беспримерном подвиге ленинградцев, оказавшихся в кольце блокады! Но ни голод, ни артиллерийские обстрелы, ни бомбежки не сломили мужество и веру в победу. Знамя Ленина все девятьсот дней блокады реяло над осажденным городом и придавало силы измученным людям, помогая делать оружие и отправлять его на фронт, строить машины и даже посылать их в глубокий тыл. Рядом с заводской маркой стояло: «Сделано в Ленинграде в дни блокады».

Город Ленина! Нет, никакая сила не смогла бы заставить его сложить знамена к ногам врага. Жалки и тщетны были надежды фашистов, что город не выдержит, сдастся. Он выстоял! Победил!

«В гигантских электростанциях на Волге, Ангаре и Енисее, в новостройках Севера и Сибири, на многочисленных заводах и фабриках, во всех союзных республиках — повсюду, где кипит сегодня созидательный труд советских людей, можно найти долю творческой новаторской мысли, мастерства, энергии рабочих, инженеров, конструкторов и всех трудящихся города Ленина»,— сказал Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев в Ленинграде на торжественном заседании, посвященном 50-летию Октябрьской революции.

История города Ленина — яркое свидетельство колоссальных сдвигов, происшедших в нашей отечественной промышленности. Трактор «Фордзон-путиловец» пятьдесят лет назад имел мощность в 20 лошадиных сил. Сегодня Кировский завод выпускает тракторы в 220 лошадиных сил и готовится к производству 300-сильной машины типа «К-701», которая будет выполнять самые разнообразные работы: сельскохозяйственные и дорожные, трелевочные и транспортные. В ближайшие месяцы кировцы изготовят установочную партию этих тракторов-богатырей.

Крепкой, нерушимой дружбой связан наш город с сотнями городов всех братских союзных республик, со всеми экономическими районами страны. Только производственное объединение «Электросила», создающее мощные турбогидрогенераторы и крупные электрические машины, связано с 900 предприятиями и организациями страны. Большое значение для ленинградцев имеет тесная дружба с москвичами — она постоянно развивается, обогащается новыми творческими достижениями в ходе социалистического соревнования Москвы и Ленинграда.

Ленинградские рабочие, образованные люди, с широким политическим кругозором, с глубокими профессиональными знаниями,— гордость нашего города. Это тот тип интеллигентных рабочих, о которых с огромным уважением говорил В. И. Ленин. Тогда их были единицы, сегодня — сотни тысяч. Лучшие из лучших — в рядах ленинской партии. Имена многих из них знает весь город, вся страна. Герой Социалистического Труда, член Центрального Комитета КПСС, бригадир шлифовщиков объединения «Кировский завод» Евгений Иванович Лебедев. По его примеру развернулось массовое движение за выполнение пятидневного задания в четыре дня на основе комплексных планов повышения производительности труда. Герой Социалистического Труда, ткачиха-многостаночница фабрики «Рабочий» Екатерина Яковлевна Демидова — у нее свои маршруты, свои расчеты экономии каждой секунды. Она хорошо помнит, как впервые пришла в цех и знатная ткачиха Герой Социалистического Труда Антонина Тимофеевна Красикова сказала ей: «Хочешь стать хорошим человеком — трудись!» И вот плоды ее труда — десятки тысяч метров ткани сверх задания.

Василий Васильевич Рябинкин. Герой Социалистического Труда, сварщик «Ленэнерго».

Герой Социалистического Труда, строитель, бригадир комплексной бригады Иван Семенович Шевцов. В соревновании с московским строителем Николаем Злобиным он обязался сдать до конца пятилетки 10 тысяч квадратных метров сверх плана.

Невозможно перечислить всех наших Героев Социалистического Труда, их очень много. И рядом с ними тысячи орденоносцев — авангард рабочего класса города Ленина.

Вместе с опытными мастерами трудится и молодежь. Ежегодно в цехи ленинградских заводов приходит достойная смена. Квалифицированная, широко образованная, отличающаяся высокой трудовой и общественно-политической активностью. Приходят из профтехучилищ, где одновременно со специальностью получают среднее образование.

...Пятьдесят дней длится Ленинская трудовая вахта в честь полувекового юбилея города Ленина. Она была начата по инициативе передовых рабочих нашего города, ударников пятилетки. Еще самоотверженнее стали трудиться ленинградцы после Обращения Центрального Комитета КПСС к партии, к советскому народу. Вахта продолжается. Темпы нарастают. Все больший размах обретает социалистическое соревнование за досрочное выполнение плана четвертого, определяющего года пятилетки.

...Идут годы. Вот уже тридцать лет минуло с той зимы, когда были разбиты фашистские полчища у стен Ленинграда. И там, где проходила линия фронта, где шли бои, там сооружен Пояс Славы. Сейчас все в снегу. Но вот придет весна — и зазеленеют деревья, кусты на всем многокилометровом протяжении Пояса. Зацветут цветы на местах бессмертного подвига защитников города Ленина.

...С каждым годом все растет и ширится мой город. Осуществляется грандиозный план его приближения к морю. Сооружаются архитектурно-парковые массивы вдоль северного и южного побережий Финского залива, в западной части Васильевского острова.

...Я снова во дворе дома № 1 по Сердобольской улице. Гляжу на окна квартиры-музея. Четвертый этаж. В метре от окна новая водосточная труба, она не доходит до крыши. Это макет той, которую заприметил Владимир Ильич, находясь в квартире Фофановой. Четвертый этаж. Высоко... Не так-то просто спуститься.

Забора во дворе давно уже нет. Вместо него обрамленное домами чистое пространство с заснеженными деревьями. Многое изменилось здесь. Иным стал облик улицы. Да, многое изменилось, но неизменна память истории. Пройдут года, десятилетия, века — и всегда будет жить величие ленинских идей, всегда будут свято чтить и хранить дорогие каждому честному сердцу ленинские реликвии.

На противоположной стороне Сердобольской улицы, во всю боковую стену многоэтажного дома панно. На нем путь Владимира Ильича в Смольный. Опасен и далек был этот путь от Сердобольской до Смольного. На трамвае до Боткинской. Дальше, через Литейный мост, пешком. Встреча на Шпалерной (ныне улица Воинова) с юнкерами. И кто знает, как бы все обернулось, если бы не находчивость Эйно Рахьи. Но все обошлось благополучно. И вот он, Смольный. Штаб революции, руководимой Лениным.

...Проходят десятилетия. Сменяются поколения. Но не стареет Ленинград. Ширится, растет ввысь. И уже нет такого уголка на земном шаре, где бы не знали наш город. Город трех революций. Город-герой. Город орденоносных заводов и высокой культуры. Город белых ночей. Город Ленина.

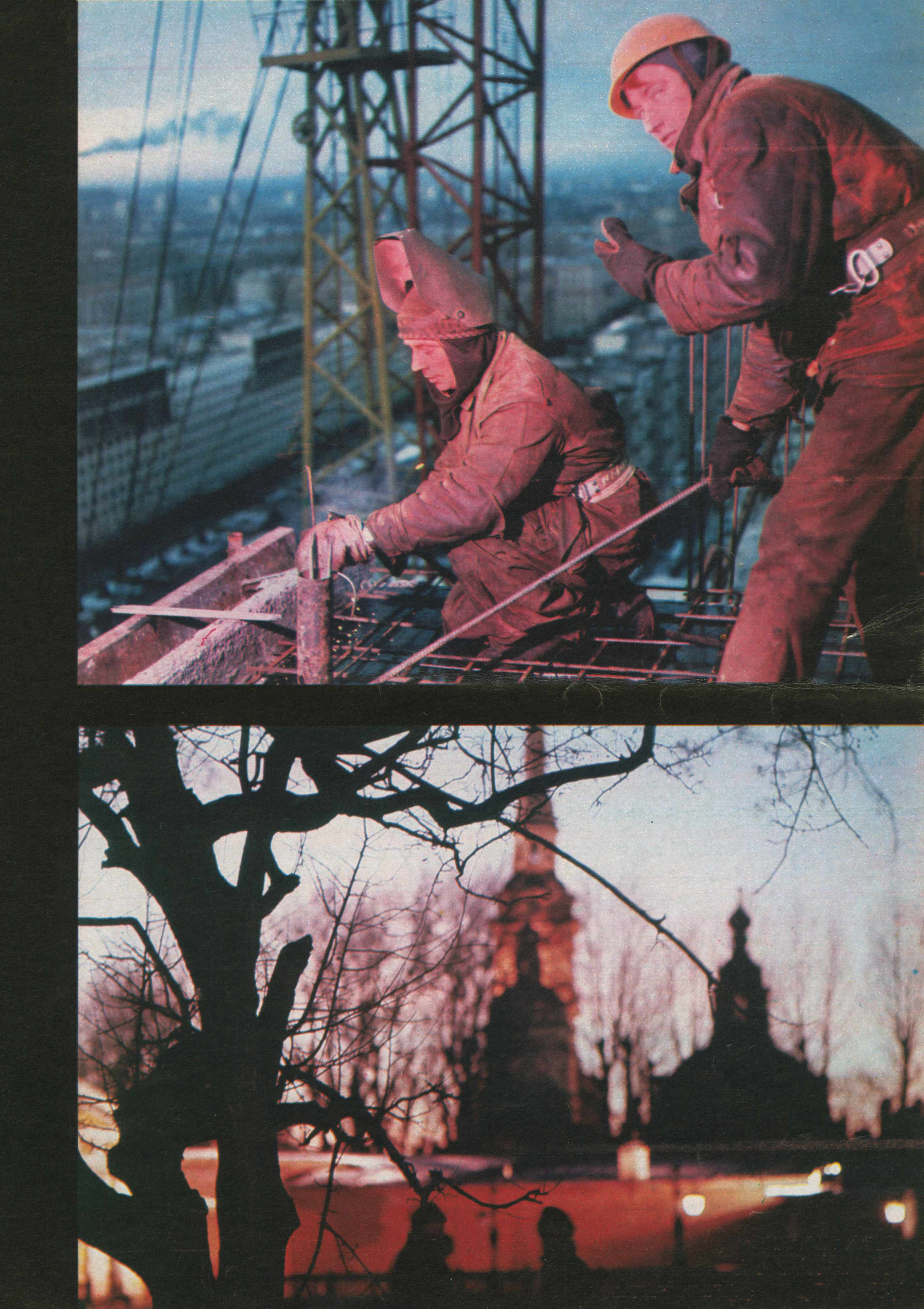
Неповторимы силуэты Ленинграда. Рядом с архитектурными ансамблями старого города растут новые районы. Монтажник Михаил Демидов и сварщик Леонид Чувиляев возводят первый двадцатидвухэтажный жилой дом, который будет украшать въезд в Ленинград со стороны Московского проспекта.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ:

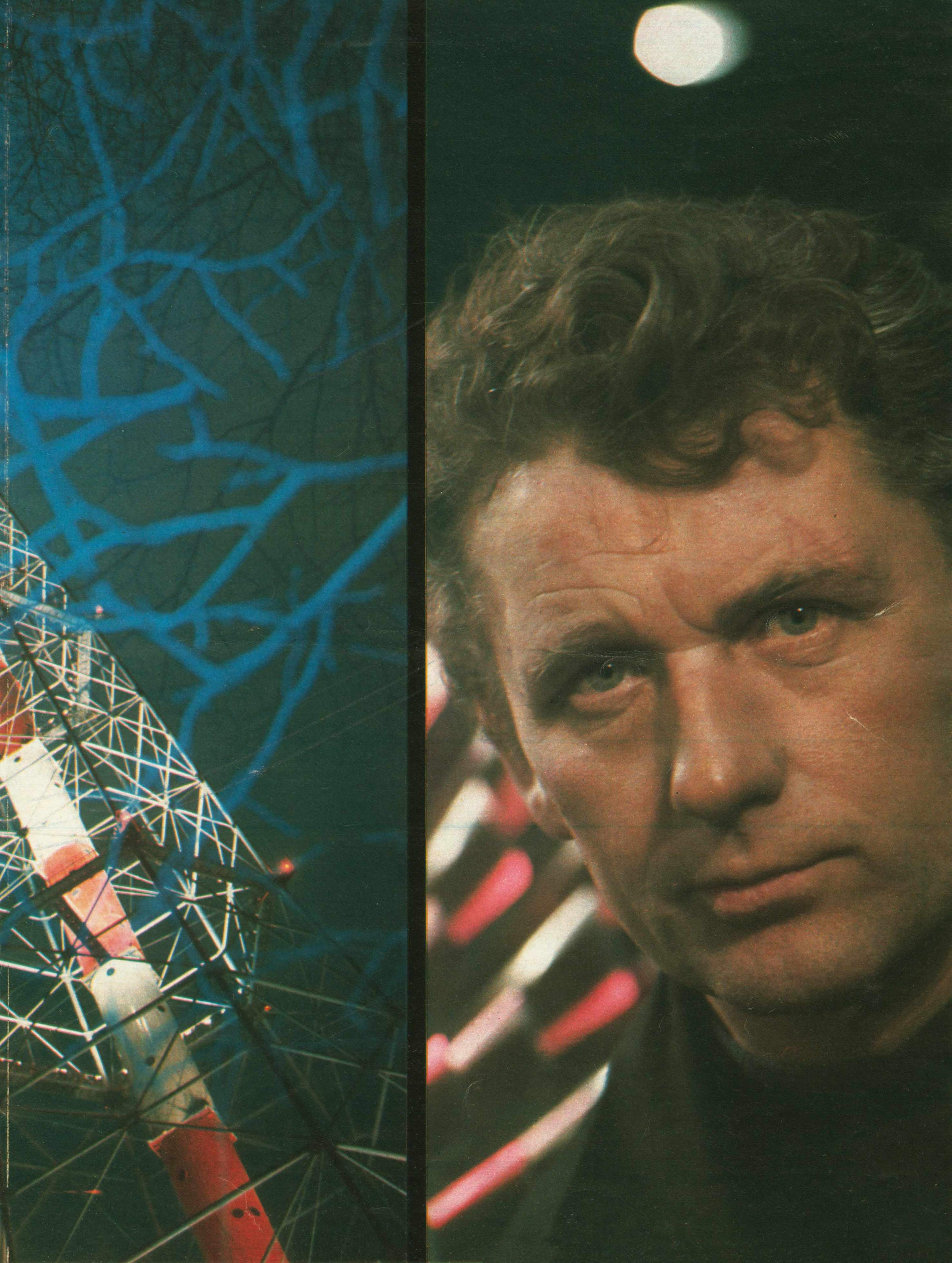
Ленинград — город науки и культуры, крупнейших предприятий и учебных заведений. Светлана Павловская учится на втором курсе Государственного института культуры имени Н. К. Крупской. Коммунист Е. С. Русецкий, токарь Невского машиностроительного завода имени В. И. Ленина, принимает участие в создании уникальных турбин. Его трудовой стаж — четверть века.

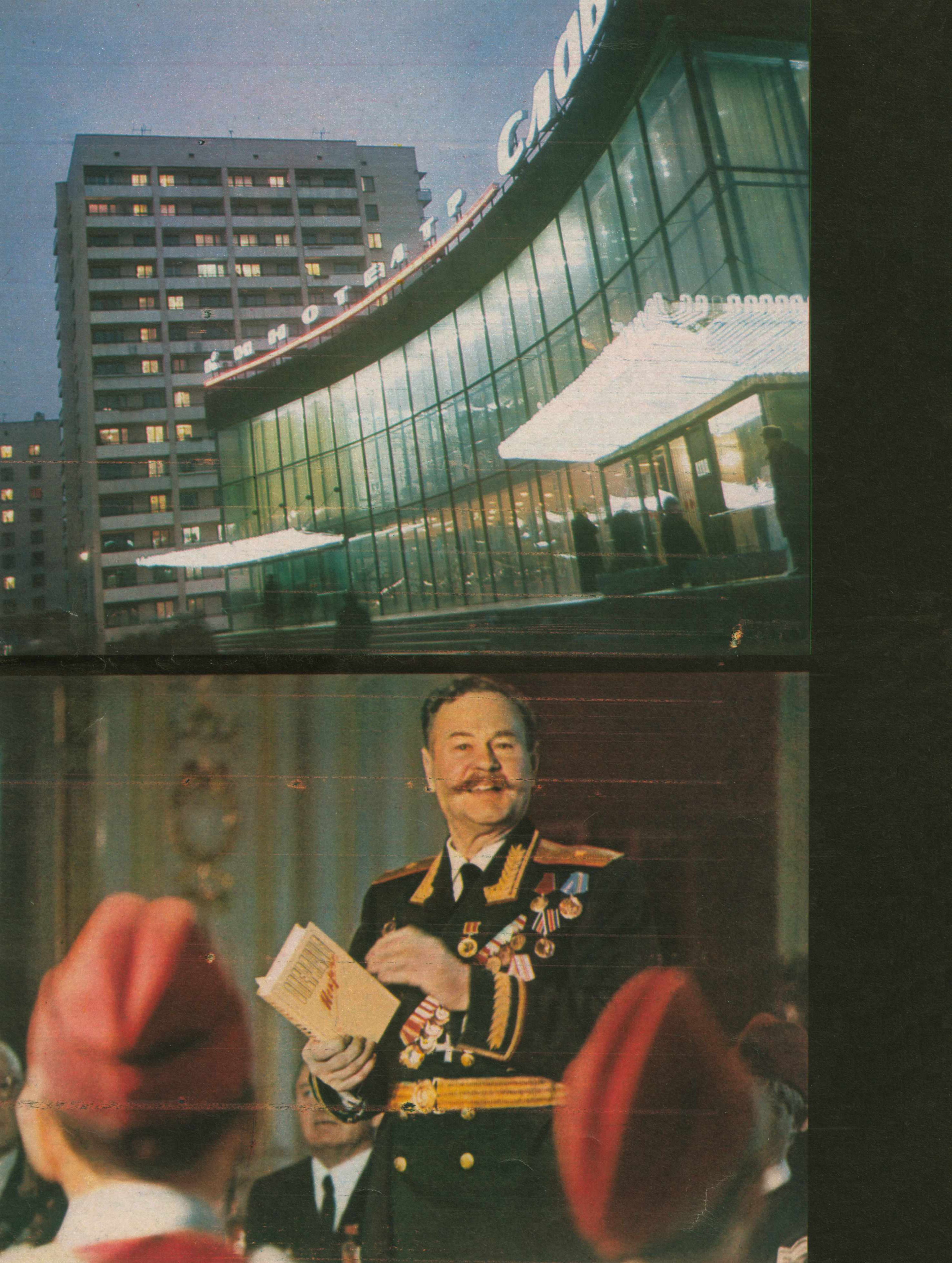
На снимке в центре: башня Ленинградской студии телевидения — «В эфире — Ленинград».

Фото Н. АНАНЬЕВА, Г. КОПОСОВА, А. НАГРАЛЬЯНА, Л. ШЕРСТЕННИКОВА

СЕРДЦЕ ОТКЛИКНЕТСЯ ПЕСНЕЙ

Нина НОВОСЕЛЬНОВА

ДЕСЯТЬ ДНЕЙ ПО ДОРОГАМ ПАМЯТИ...

Годы, память мою не туманьте,
У меня к ней особый спрос...
Десять дней по дорогам
Памяти —
Десять дней то улыбок,
то слез.

И припомнишь все четко,
явственно,
Зримо так, что горло сожмет:
Это здесь битюги гривастые
Увязали среди болот.

Ко всему привыкшие сестры
Так измаялись в эти дни...
Дальше, дальше...
Дюны белесые
И сигнальных ракет огни.

А теперь здесь братское
кладбище.
Повернись к закату лицом
И припомни, как шли товарищи,
Шли и падали под свинцом.

ТА ДОРОГА

Я все время боялась на этой
дороге
Что-то важное упустить...
Из вагона б — да с маху
на берег пологий,
Да пыжовскую глину месить.

До Пыжовки от Вязьмы
недолгие версты,
А поди-ка дотопай. Стара.
А давно ли горячие красные
звезды
Нас вели, фронтовая сестра?

Но не этой бетонной
дорогой — куда там! —
Кочки, глина, болотная муть...
Но хотели мы этим тропинкам
распятым
Жизнь и счастье скорее
вернуть.

...Вдруг состав —
не случайно ль? — остановился
Против горестно-памятных
мест,
Где когда-то дымок
над валежником вился —
Первый мирный дымок окрест.

Грели руки девчата, портянки
сушили,
В котелках — оттаявший снег.
Так и жили.
А что? Очень правильно жили,
Жили так, как приказывал век.

Из вагона б — да с маху
на берег пологий,
Да пыжовскую глину месить,
Только трудные, горькие эти
дороги
Никому не дано воскресить.

Только сердцу. Кому же еще
известней
Все, чем наша судьба горда?
Только сердцу. И сердце
откликнется песней,
А она не соврет никогда.

ЧЕРНОЕ ОЗЕРО

Довезите до Черного озера.
Это, право, не так далеко,
Но меж мною и Черным
озером
Тридцать лет, тридцать зим
пролегло.

Шли мы долго с оружьем,
с обозами,
По болотам, заросшим травой.
Повстречало нас Черное озеро
Нестерпимой своей синевой.

Повстречало нас всплеском
серебряным
Светлых рыбин в дремучей
воде,
Тростниками и гибкими
вербами —
Я таких не видала нигде.

Встали мы над прибрежною
тиною,
Изумленно разинули рты,
А кругом золотой паутиною
Засверкали под солнцем
кусты.

Будто замерло в мире
движение:
Сосны, сосны да белый песок.
А ведь так еще близко
сражение
За нечастый литовский лесок!

— Это озеро вовсе
не Черное,—
Кто-то рядом со мною
вздохнул,
Пыль смывая водою озерною
С азиатских коричневых скул.

Или память мою заморозило?
Ну никак не припомню имен...
Довезите ж до Черного озера,
Докажите, что это не сон.

Ехать так: переправа
на Немане,
Повороты один за другим,
Ну а если исчислить
во времени,
Тридцать лет, да еще тридцать
зим.

ОЗЕРО ДРЕМУЧЕЕ

Жить и жить бы, никого
не мучая,
И не видеть алчный взгляд
врага,
Чтобы это озеро дремучее
День и ночь плескалось
в берега.

Но уже по пальцам
пересчитано,
Сколько дней смогу прожить
в тиши
Да смотреть, как берега
размытые
Стерегут немые камыши.

Что же делать, если
не приучено
Сердце к этой странной
тишине,
И напрасно озеро дремучее
По утрам ласкается ко мне.

Тишина такая беспечальная,
Где тебе ни дела, ни тревог,—
Это только станция начальная
Наших нескончаемых дорог.

И не ей с рассветными
румянцами
Приручить нас тишью вековой,
Потому что чем спокойней
станция,
Тем острей на сердце непокой.

МАЗУРКА

Победно, ликующе, гулко,
Серебряным звоном маня,
Мазурка, мазурка, мазурка
Проносится мимо меня.

Возникли из праха, из тлена,
Из старой, забытой красы
Точеные ручки паненок
Да шляхтичей стрелки-усы.

Ну, нет, не была она кроткой,—
Коварная, как полынья,
Паненка — плясунья, красотка.
Паненка — прабабка моя.

Мазурка, мазурка, мазурка...
Покуда угар не затих,
Но шляхтич в чиненой
тужурке —
Какой он для панны жених?

Бедны стали шляхтичи... Ах ты,
Мадонна, какая напасть!
И вот постепенно у шляхты
В России родня завелась.

В далекой степной деревеньке
Родне начинается счет:
Паненка в точеные реньчки[1]
Казацкое сердце берет.

И разом порвалась пружинка,
И вот над степною травой
Ты плачешь, казацкая жинка,
Над горькой своей головой...

Прабабка, земля тебе пухом,
Но что-то с судьбой не в ладу,
Пошли беспокойные духом
Все женщины в нашем роду.

Случалось, казацкая бурка
Им тоже защитой была,—
Уже не шальная мазурка —
Их в жизнь «Варшавянка» вела.

...Зачем же призывно и гулко,
Серебряным звоном маня,
В ночных сновиденьях
мазурка
Проносится мимо меня?

[1] Реньчки — ручки (*польск.*).

ЭТО БЫЛО ТАК БЛИЗКО...

Где бои отшумели,
Там нашли под кустом
Под истлевшей шинелью
Сумку с красным крестом.

Как ты, юный ефрейтор,
Свой закончила путь?
След затерянный чей-то
Память хочет вернуть.

Собрались ветераны
У реки, у костра,
Говорят ветераны:
— Это наша сестра.

Это здесь, с перевала,
На обрыве крутом
Не она ль прикрывала
Санитарный паром?

Вспоминают солдаты:
Плыл паром вдалеке,
Только взрывы раскатом
Пронеслись по реке.

На зеленые волны
Пала черная мгла.
Звали девушку воины,—
А она не плыла.

Вот бои отшумели,
И нашли под кустом,
Под истлевшей шинелью
Сумку с красным крестом.

Было так и за Вислой
И за Эльбой в полях,—
Это было так близко,
На планете Земля.

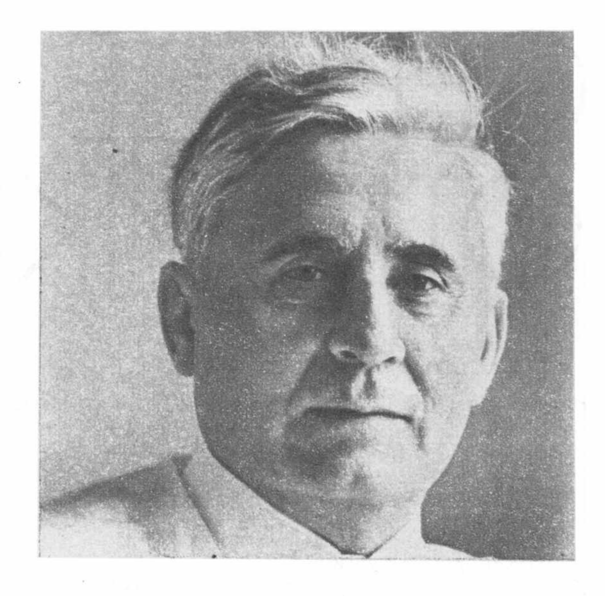
Все в Ленинграде хранит память о героической обороне города. В честь его защитников один из новых проспектов назван проспектом Славы.

Участник прорыва блокады генерал-майор В. А. Вержбицкий рассказывает пионерам о тех незабываемых днях.

Анатолий КАЛИНИН

ПОВЕСТЬ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

ЦЫГАН

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Перед вечером он обычно шуршал своими старыми военными картами где-нибудь в домике дорожного ремонтера, в вагончике трактористов или же в пустой сторожке, приютившей его на ночь, а с утра, с самого рассвета, дорога опять начинала шуршать под колесами его мотоцикла зерном, просыпанным при перевозке из кузовов автомашин и смешанным с пылью астраханским песком,— это когда из-за Волги опять, как с цепи, срывалась черная буря и набрасывалась на степь, догладывая ее. Тогда и днем только с включенной фарой надо было пробиваться сквозь завесу мглы.

И сразу же оказалось неправдой, что не было на земле места, где могли бы его ждать, и никому уже не нужен он был, как перекати-поле, гоняемое из края в край степи ветром.

Тот же полковник Привалов, едва завидев его на пороге, уже кричал своей жене, заставляя при ее имени Будулая невольно вздрогнуть:

— А-а, тебя-то мне и нужно! Ты, Клава, только посмотри на него! Теперь он у меня ответит, как пленного повара за генерала выдавать.

Как если бы расстался он с Будулаем только вчера, а не двадцать лет назад. И вышедшая на его крик из кухни жена, вытирая о передник испачканные в муке руки, тоже с ходу заступалась за Будулая:

— Но сперва он должен поесть. У меня как раз обед готов.

— Ты у него и раньше заступницей была. Пусть скажет спасибо, что тогда не под горячую руку к Селиванову, а прямо к тебе в госпиталь попал. Он теперь сполна отчитается, как ротного повара за самого Штеммермана выдавать.

См. «Огонек» №№ 50—52 за 1960 год, 47—50 за 1968-й и 24—27 за 1969 годы.

— Зачем же ему отчитываться, если он тут совсем ни при чем?

Привалов непритворно изумлялся:

— Как это ни при чем? Может быть, ты еще скажешь, что и в разведке тогда не он, а какой-то другой цыган служил?!

Пришло время и Будулаю вставить свое слово:

— Нет, Никифор Иванович, это я служил.

— Вот видишь! — И Привалов торжествующе поворачивался к жене.

— Но этого повара не наша, а шестьдесят третья дивизия в плен брала,— с улыбкой заканчивал Будулай.

У Привалова еще больше округлялись глаза.

— Разве? — Но тут же он отмахивался:— Все равно я вас, разведчиков, знаю, подлецов.

Теперь уже его жена не на шутку ужасалась.

— Как тебе не стыдно! Вы его не слушайте,— говорила она Будулаю,— а садитесь за стол, вот сюда.

А Будулай, улыбаясь, смотрел на Привалова через стол, слушал, с какой он отчетливостью выговаривал «подлецы», и последние сомнения покидали его. Если бы у него до этого и оставались еще сомнения, то теперь уже не было ни малейших: все тот же. Несмотря на то, что уже два десятка лет прошло и ни одной черной искорки не простегивало теперь в его некогда густом казачьем чубе, а глаза уже воссияли тускло хрустальным блеском, как будто подплавились они.

— Пусть говорит что угодно, а вы ешьте борщ,— говорила его жена, подвигая Будулаю тарелку.

Однако и Привалова не так-то легко было сбить с ноги, наступившей на стремя излюбленной темы.

— Самого Конева чуть в заблуждение не ввели.— И все еще густые брови двумя кустами поднимались у него кверху.— Совсем было от него со своим начразведки получили по ордену Красного Знамени за доставку в штаб фронта самого командующего окруженной группировки, когда кто-то досмотрелся, что руки у этого командующего из рукавов мундира по локти торчат... Нет, пусть он сам же и рассказывает тебе.— Привалов спешил расстегнуть воротник своего чесучового, без погон кителя.

Но взором бывшего разведчика Будулай уже успел заметить и другой китель, с погонами и в латах орденов, поблескивающих из-за приоткрытой в соседнюю комнату двери. А его жены, казалось, и вообще не коснулось время. Может быть, и потому, что, так заиндевев тогда на фронте за одну ночь, она теперь только дотягивалась до самой себя. Прерывая Привалова, она лишь подстегивала его:

— Достаточно с меня и того, что я через два дня на третий слышу это от тебя. Ты же не даешь человеку слова сказать. Вы, Будулай, расскажите нам о себе. Мы же не виделись столько лет, и, конечно, за это время вы уже успели найти...

Все так и напрягалось в Будулае. К его облегчению, Привалов тут же и отводил ее слова решительным жестом.

— Об этом вы еще успеете наговориться, ночь впереди.— Он и прежде, бывало, если начинал что-нибудь рассказывать, должен был выговориться до конца. Но перед этим ему требовалось немного помолчать, глядя в одну точку перед собой и заглатывая полуоткрытым ртом воздух, чтобы справиться с разбирающим его смехом.— Вот тут-то и выяснилось, что это всего-навсего повар... «Как же вы, подлецы, могли его за генерала принять?» «Так они же, товарищ комфронта, из-под Корсуня в одном белье спасались, а этот из них был самый гладкий». «А как же на нем оказался генеральский мундир?» «Неудобно же было, товарищ командующий, его в штаб фронта телешом представлять».— И, задыхаясь, Привалов рвал на воротнике своего кителя крючки.— А ротного повара за командующего группировкой этим подлецам удобно было выдавать...

Теперь Будулай наверняка знал, что сегодня еще не раз ему придется услышать это слово. И только тот, кто не знал Привалова, мог бы и не понять, что оно далеко не всегда совпадало у него со своим первоначальным смыслом.

— А ты знаешь, где теперь этот твой начразведки Жук живет? (Нет, Будулай не знал, он только молча ответил на взгляд Привалова своим взглядом.) Он, оказывается, подлец, еще когда корпус от Кизляра наступал, себе для своей будущей послевоенной жизни Ставрополь присмотрел. Там у них с сыном Парамона Самсоновича Куркина целое братство. И нас с Клавдией Андриановной в каждом письме зовут. Но если бы нам теперь поехать по месту жительства всех бывших донцов...— Не договорив, Привалов коротко бросил жене: — Принеси-ка!

И на этот раз без малейшей попытки вступить в пререкания, молча повинуясь его почти

фронтовому приказанию, она вышла в соседнюю комнату и, вернувшись, высыпала перед ним из своего передника на клеенку стола целый ворох почтовых открыток и надорванных конвертов. Пальцы Привалова сразу же и зарылись в них, как в песке.

— Многих из них ты, конечно, знаешь, Будулай, но кое-кого можешь и не знать. Иногда у нас в корпусе и до тридцати тысяч находилось в строю. А теперь уже скоро и несколько сот не наберешь.— Пальцы Привалова шелестели в этой почтовой россыпи на столе.— Если теперь к Гайфулину, комэску из шестьдесят четвертого кавполка, перебираться в Армавир, то почему же тогда не к Дудникову в Туапсе, комполка из шестьдесят третьей каде, он тоже из героев герой. А если в Махачкалу к Асенову из разведдивизиона, ты его лучше меня знаешь, Будулай, то, значит, отказать Фролову, который от самого Терека шел и умудрился, подлец, перед концом войны ноги потерять, теперь по Киеву на протезах ходит. И полковник Чебураков, бывший начоперотдела, клянется, что у него в Москве тоже лишняя жилплощадь есть. А Тихон Томахин, участник трех войн, вот что теперь пишет мне из Усть-Бузулука.— Поднимая в неуловимо дрожащей руке листок к глазам, Привалов медленно прочел:— «Вспоминаем, Никифор Иванович, те короткие минуты, когда пошли мы на «тигры». Только шумнул мне казак «Прикрывай огнем!»— и пошли в наступ. Покуда подошел эскадрон, у нас восемь горят, а потом мы потеряли друг друга. Я вернулся — ни Зотова, ни Носиченко нету...» — И суровыми глазами Привалов взглянул на Будулая поверх листка.— Героя Корсуня, гвардии сержанта двести двадцать третьего кавполка, шестьдесят третьей каде, Носиченко ты помнишь, Будулай?

Нет, об этом гвардии сержанте Будулай впервые услышал только сейчас, за этим столом, ведь Привалов только что и сам сказал, что в корпусе было тридцать тысяч человек, а Будулай в другой дивизии служил. Но под взглядом Привалова он ответил:

— Помню.

Листки писем просыпались сквозь пальцы Привалова на клеенку стола совсем как речной песок. Вот так же и тогда он в корпусе всех поименно знал. Недаром же, как и тогда, при взгляде на Привалова опять выплывает перед Будулаем это воспоминание: много людей сгрудились вокруг костра, пылающего под ночным небом в степи, много разных мужских и женских смуглых лиц выхватывает он своими отблесками из темноты, и только одна рука, время от времени протягиваясь из невидимости в светлый круг, подкладывает в огонь сухие ветки, курай. Разгораясь, он ярче освещает лица всех, но лица того, кто поддерживает в костре огонь, так и не видно.

Он и на фронте все, бывало, беспокоился и ратовал перед вышестоящим командованием, чтобы как-нибудь не обошли орденом или воинским званием того, кто его заслужил, никогда при этом не напоминая о самом себе и неизменно отступая в тень. Не из-за этого ли и от начала до конца войны все в одном и том же звании проходил в то время, как рядом на погоны к другим одна за другой сходили генеральские звезды? Глядя на Привалова и слушая его, припоминал Будулай, как менялись командиры их казачьего корпуса, дивизий и полков, на пути от Кизляра до Австрийских Альп убывал и пополнялся рядовой и офицерский состав, кто остался лежать под бугорками свежих насыпей, кого по тяжелому ранению списали вчистую, кто откочевал в другие части на повышение, а кого и на самом переломе войны рукой жестокого недуга вдруг могло выхватить из седла, как того же первого комкора Селиванова, но Привалов, никем не заменяемый, все так же оставался на своем месте замполита и начальника политотдела и все так же подбрасывал из тени дрова, чтобы огонь, разгораясь, освещал лица тех, кого он, как и теперь, любовно называл подлецами.

— Ну, а Парамона Самсоновича Куркина ты и подавно должен был знать.

— Его же, Никифор Иванович, в нашем корпусе все знали,— сказал Будулай.

— Еще бы,— подхватил Привалов,— если он только одной своей бородой на гитлеровцев страх нагонял. Но при случае и своему родному сыну, с которым служил, не спускал. Несмотря на свои семьдесят три года, из казаков был казак.

И еще ярче пылал костер. Жена Привалова уже совсем не перебивала мужа, то ли потому, что знала, как теперь будет опасно его перебить, то ли и сама подхваченная теми воспоминаниями, которые тоже нахлынули на нее. Между тем как тот, кто питал топливом этот костер, упорно продолжал оставаться невидимым, лишь рука его, поддерживающая огонь, время от времени выдвигалась в круг призрачного света, тут же и отдергиваясь в темноту.

— Но один раз пришлось мне и слезы увидеть у него на глазах, это когда смертельно ранило под ним коня, на котором он из самой Нижне-Чирской с казачьим ополчением в корпус пришел. Раненый конь себе рыдает, а он себе, как какая-нибудь слабая женщина или малое дите.

И тут вдруг неудержимо захотелось Будулаю самому, протянув руку за черту круга, подбросить топлива в этот огонь, чтобы он, вспыхнув, осветил и лицо того, кто все время, вспоминая о других, наглухо забыл о себе. Захотелось напомнить ему:

— Под вами, Никифор Иванович, под Первомайском тоже убило коня.

Привалов опечалился.

— Это, Будулай, уже третьего. Первого — еще под Вязьмой, когда я в семьдесят пятой кавдивизии служил, а второго — под Армавиром у моста через Кубань. Но этого Мая, из бывшего Сальского колхоза имени Сталина, мне особенно жаль — без каких-нибудь примесей дончак. Он меня по одному взгляду понимал.

Теперь бы еще надо было, чтобы он вдруг вспомнил о чем-нибудь совсем другом и, прервав нить рассказа, закатился смехом. Так и есть, он уже приостановился на полуслове:

— А ты помнишь, Клава, как под Матвеев-Курганом эта трехлетняя девчушка в хате, где только что стояли немецкие офицеры, вдруг так и отчеканила: «Гитлел, Геббельс, Либентлоп, закажите себе глоб...» Такой сверчок,— он показал над полом рукой,— а тоже почуяла перемену, когда увидела, что дяди с погонами уже не гонят ее из хаты, а сажают с собой за стол.— И опять, подражая этой трехлетней девчушке:— «Гитлел, Геббельс, Либентлоп...» — Привалов закинул назад голову в раскатистом смехе.

Клавдия Андриановна даже прикрыла ладонями уши.

— Не шуми так.

Но и то, чего не замечал прежде, теперь заметил за ним Будулай: этот смех сочетался у него с несмеющимся, неподвижным взглядом. Как будто с тех пор глазам его труднее стало ворочаться в орбитах, песок времени им мешал или же еще что-нибудь другое.

* * *

Если б не председательские обязанности, Тимофей Ильич предпочел бы совсем с Клавдией Пухляковой дела не иметь. Никогда нельзя было заранее знать, какая ее ужалит пчела. Хоть специальный барометр в правлении заводи, чтобы подсказывал, на какой козе к ней можно подъехать с утра, а на какой — после обеда. Когда она вдруг может разразиться бурей, а когда соизволит разговаривать с тобой, как все нормальные люди.

Несколько месяцев ходила, как в воду опущенная, и вдруг опять стала набирать голос. Ненадолго хватило ее в смирных побыть. И, если бы не крайняя необходимость, никогда бы и никто не увидел его лично открывающим калитку к ней во двор. Особенно после сегодняшнего заседания правления колхоза, на котором она изголялась над ним как только могла. Как будто председатель колхоза бесчувственный чурбан, которого можно безнаказанно обливать какой угодно демагогией, как дегтем, и вываливать во всяких словах и выражениях, как в перьях. А потом попробуй их отлепи.

Тимофей Ильич даже плечами передернул, опять ощутив всей своей кожей, как она обкладывала его словами одно хлестче другого. Минут пятнадцать снимала стружку за то, что он, видите ли, не спросился у нее перед тем как поехать на конезавод за этим несчастным жеребцом, выбракованным для колхоза из племенного табуна самим генералом Стрепетовым по старой фронтовой дружбе с Тимофеем Ильичом. И хоть бы один из членов правления заступился при этом за своего председателя, когда она отчитывала его в присутствии представителя райкома так, что до сих пор горят уши. Напрасно он сгоряча взялся было доказывать ей, что на совещания передовиков сельского хозяйства и на пленумы лучше, конечно, на «Волге» ездить, а вот по полям — верхом на лошади, чтобы не из окошка все увидеть и пощупать своими руками. Его же слова она и повернула против него. Так и оскалила все свои зубы: «Ну да, а с Дона, с катера еще в лучшем виде все можно будет обозревать. А то еще давайте мы нашему Тимофею Ильичу на колхозные деньги персональный вертолет купим». Все правление хохотало, а ему только оставалось наливать воду из графина стакан за стаканом.

И после этого еще не хватало встретиться с ней не где-нибудь, а на ее же территории, в ее доме. Но и какого-нибудь иного выхода у него сейчас не было, если начальнику того самого военного училища, которому приглянулся для полевых занятий хутор Вербный, вздумалось поселиться именно в ее доме. Как будто не нашлось для него других, более подходящих, из тех же кирпичных, которые за последний год целой улицей вытянулись по-над Доном. В то время как Клавдия Пухлякова живет все в том же, что и до войны, доме, а точнее, в курене, унаследованном ею от отца, которому он, в свою очередь, достался от деда. Как-то и для колхоза совестно, что такой гость, полковник, квартирует под такой ветхой крышей. Но тут уже ничего изменить невозможно, раз за рулем у этого полковника сидит не кто-нибудь иной, а Клавдин сын, который сразу же и поспешил подкатить своего начальника прямо к дому. И теперь по милости ее Вани тоже в ее дом изволь командироваться... Если бы не эта вечная нужда колхоза в технике, он не позволил бы себе этого и в мыслях. А этому полковнику, который поселился у Клавдии Пухляковой, ровным счетом ничего не будет стоить списать и передать колхозу одну-две бортовые машины, взамен которых его училище, конечно, незамедлительно получит новые, потому что наша армия пока, слава богу, ни в чем не знает отказа. Не из-за этого ли, между прочим, и колхозы мирятся с этим проклятым автомобильным дефицитом.

Не может быть, чтобы на такую, в сущности, скромную просьбу колхоза мог последовать от полковника отказ после того, как от колхоза с первого же дня ни он сам, ни подчиненные ему офицеры и курсанты ни в чем не знают отказа. Ни в помидорах и арбузах прямо с огорода и с бахчи, ни в парном молоке, которое по распоряжению Тимофея Ильича отпускается для военной столовой с фермы без всяких наценок. Конечно, не Тимофея Ильича надо агитировать, что помощь защитникам Родины — священный долг, но не мешало бы, чтобы и они помогли колхозу. Хотя бы в порядке взаимности за то, что проводят свои полевые занятия на землях колхоза, безвозмездно пользуясь и Доном, через который то и дело их амфибии шныряют как черепахи взад и вперед, так что его берега теперь будут сплошь перепаханы гусеницами, пока полая цимлянская вода опять не затянет их илом; и Вербным островом, с которого скоро все талы уйдут на маскировку их раций и бронетранспортеров; и задонским лугом, где из-под каждой вербы сверкают, обшаривая небо, локаторы, а между стогами чадят кашеварки. Так недолго колхозу остаться и без сена.

Не говоря уже о гостеприимстве местных казачек, из-за которого потом еще долго будет продолжаться брожение в семьях. С того дня, как военная колонна спустилась с горы, в хуторе не стало покоя мужьям. Если не дочка на глазах у родителей затеяла любовь с кем-нибудь из курсантов, то, смотри, как бы ее мать чересчур не загляделась своими казачьими глазами на квартирующего у нее в доме офицера. Да так, что ее муж потом среди бела дня бросает в борозде трактор и бежит из степи наводить ревизию в хутор. Из-за этого в колхозе и трудовая дисциплина стала хромать.

Все проулки, разделяющие сады, забиты машинами, какие только и можно увидеть по телевизору с Красной площади Седьмого но-

ября, в каждом доме — по квартиранту, а то и по два, по три. И попробуй отец с матерью уследить за своей дочкой или же ревнивый муж за женой, если и весь хутор — в садах и берег Дона — в вербах, а стоит только подняться по балке в степь — государственная лесополоса. А расплачиваться за это — все тому же председателю колхоза, к которому, что ни утро, если не жена чья-нибудь прибегает с синяком на скуле, то чей-нибудь муж с заявлением о выходе из колхоза по случаю безотлагательного отъезда в Кулунду.

Но и все эти неприятности в целом ничего не стоили для Тимофея Ильича перед одной только перспективой встретиться теперь с Клавдией Пухляковой в ее же доме. Почти крадучись подбирался он к ее дому верхом на том самом злополучном жеребце, из-за которого она сегодня утром и подняла на заседании правления весь этот гай. Правда, объезжая стороной птичник, он лично удостоверился, что еще не меньше часа пройдет, прежде чем куры захотят с зеленого лужка на насесты перекочевать, но могла же Клавдия и на Нюрку их оставить, чтобы прийти домой пораньше. Недаром она теперь лишнюю минуту боится задержаться на птичнике, чтобы, чего доброго, не упустить эту минуту полюбоваться на своего Ваню.

Через час Тимофей Ильич вышел из дома Клавдии Пухляковой в настроении, о котором лучше всего говорило, что он весело вдруг рассмеялся наедине с самим собой и, спускаясь по скрипучим ступенькам во двор, подумал, что надо бы выписать хозяйке этого дома из председательского резерва с полкубометра леса на ремонт ее обветшавшего крылечка. Задержавшись на ступеньке, Тимофей Ильич даже обратил внимание, какие сегодня зеленые и крупные высыпали над Доном звезды.

Сверх ожидания его визит к полковнику оказался на редкость удачным, даже не одну или две, а четыре бортовых машины тот пообещал в пользу колхоза списать по акту после окончания военных занятий. Что значит тоже бывший фронтовик — они сразу смогли понять друг друга. Молодец и Ваня, вовремя вставил слово, не побоялся поддержать перед начальником свой родной колхоз. Ничего не скажешь, порода, но и не зря же для поступления в училище колхоз его такой характеристикой снабдил... А может, и вообще стоило бы поставить на очередном правлении вопрос о ремонте этого никуда уже не годного дома, не ожидая, пока его хозяйка сама, по своей чрезмерной гордости соизволит попросить об этом колхоз.

...И счастливый женский смех вперемешку со сдержанным, мужским доносился сегодня с Дона в хутор по тихому воздуху вместе с песнями и скрипом весел с такой звучностью, как будто смеялись, пели и хлюпали веслами по воде совсем рядом.

Но тут же это настроение, навеянное Тимофею Ильичу столь удачным исходом его визита к полковнику, квартиранту Клавдии Пухляковой, и безвозвратно испарилось. Он уже хотел оторвать свою руку от железной трубы, приспособленной под перильца для крыльца, как вдруг рука его так и прилипла к отполированному металлу. Холодок от трубы, пробежав по руке вверх, окутал его плечи ознобом. Так и есть, все-таки не уберегся он, не рассчитал за этими чаями с гостеприимным полковником время и по своей же вине напоролся на нежелательную встречу. Потянув в себя воздух, Тимофей Ильич явственно ощутил ноздрями запах гари. Потому что это, несомненно, не чей-нибудь другой, а ее, Клавдии, голос донесся до него с улицы, из-за калитки.

— Вот, значит, где мы с тобой встретились,— говорила она.— А я как только признала тебя, так сразу же и покатилось куда-то вниз мое сердечко.

Заинтригованный Тимофей Ильич так и замер, полуопустив-полунавесу держа над ступенькой ногу, чтобы под ней случайно не пропела доска...

* *
*

Не раз Будулаю казалось, что разговор вот-вот наткнется на острие, когда Клавдия Андриановна, виновато взглядывая на него, опять предпринимала попытку прервать Привалова:

— Подожди, Никифор, мы еще так ничего и не услышали от Будулая...

И Будулай уже начинал сжиматься под ее взглядом, так и не зная, что ему надо будет отвечать. Полуправды он не хотел, а вся правда с тех пор, как ушел он из хутора Вербного, уже принадлежала не только ему одному. Но каждый раз в самый последний момент ему опять, сам того не ведая, приходил на помощь Привалов.

— Ах, подлец! — вдруг дернувшись от внезапного воспоминания, гремел он, и глаза у него загорались мрачным светом. Это означало, что наступило у него время вернуть этому слову смысл, который вкладывали в него все другие люди. А уж если он возвращал ему его смысл, наверняка невесело должен был почувствовать себя тот, кого брал он на мушку своего взгляда.

— Так бы сразу и сказал мне, что тут замешаны не только финансы.

Клавдия Андриановна напомнила ему:

— Но Будулаю же неизвестно, о чем идет речь.

Привалов и ее пригвождал взглядом.

— Как это неизвестно? Напрасно ты так думаешь. Конечно, не о четвертом кубанском корпусе, памятник которому давно уже стоит на месте Кущевского боя. В то время как память о донцах, героях Ага-Батыря, Корсуня и Будапешта, зарастает травой из-за того самого деятеля, который заявил мне в Москве, что перед лицом неотложных народнохозяйственных нужд мемориал какому-нибудь казачьему корпусу может подождать. И при этом с улыбочкой добавил, что еще неизвестно, с какой стороны к этому правильнее всего будет подойти. А сам смотрит на меня голубым взглядом и кнопочкой на своем карандашике: щелк, щелк.

Клавдия Андриановна с беспокойством прервала его:

— Ты только не волнуйся. Не забывай, что тебе сказали врачи.

— Я и не волнуюсь, откуда ты взяла. Много было бы чести для него... Щелк — и памятника павшим героям на будущую пятилетку опять в смете нет. Но, несмотря на это, я понимаю, что надо себя держать в руках и постараться по мере возможности из берегов своего характера не выйти. «Как же,— говорю,— неизвестно. С того же самого бока, с какого наши донцы брали и Ростов и Будапешт». «За это,— отвечает,— им, конечно, вечная слава и низкий поклон, но не кажется ли вам, товарищ бывший начальник политотдела, что у этой проблемы есть еще и другой разрез?» «Что еще,— спрашиваю,— за разрез?» Чувствую, как чем-то знакомым и подленьким потянуло от этого слова, но вида не подаю. «Исторический. Если взглянуть на это не только с благородных позиций увековечения доблестного донского корпуса, а в масштабе всей казачьей проблемы в целом». У меня так и екнуло, но я и ухом не повел, а терпеливо жду, когда эта голубоглазая рыба поглубже в вентерь войдет.— Привалов как-то хорошо хмыкнул, веселая усмешка заиграла у него в углу рта. «Что-то,— говорю,— я о такой проблеме в целом ничего не знаю». И сам смотрю на него круглыми глазами. Тут же слышу, как еще дальше посунулся в вентерь этот сазан, потому что он своим шариковым пистолетиком три раза подряд: щелк, щелк, щелк... «Я,— говорю,— только знаю, что мой отец, Иван Филиппович, казак с хутора Рябичевского, и до революции не каждый день борщ с мясом ел, и в двадцать девятом году тоже не от жирного навара поспешил со своим братом Михаилом ухватиться за колхоз. А до этого во главе нашего приваловского звена всю гражданскую в Красной Армии отслужил». «Все это,— отвечает,— прекрасно и такие факты, в порядке исключения, на Дону, конечно, могли быть, но согласитесь, что для поведения казачьей массы в целом они не характерны». «Нет,— говорю,— мы всем нашим приваловским звеном в целом в Красную Армию и пошли: отец с тремя братьями, Михаилом, Алексеем и Поликарпом, и с единственным сыном, то есть со мной, которого тогда еще Никишкой звали. Но и тогда мы об этой казачьей проблеме не знали ничего. От вас первого слышу». «А вам бы,— говорит,— как бывшему политработнику, не мешало знать. Тогда бы вы поскорее догадались, когда так безнадежно было скомпрометировано и само слово «казак». Нет, каков подлец?! — И Привалов с сокрушением повинился: — Вот тут я его и спугнул. Не выдержал роль до конца. Тихонечко спрашиваю: «Это когда же оно могло так безнадежно скомпрометировать себя? Уж не тогда ли, когда карательные сотни генералов Каледина и Краснова порубили, расстреляли и запороли на смерть на станичных майданах за приверженность Ленину сто сорок тысяч донских казаков?! Или же тогда, когда лампас нашего корпуса на всем пути от Терека до Австрийских Альп своей и чужой кровушкой намокал?!» Тут я и спугнул его,— виновато повторил Привалов,— он дернулся из вентеря назад: «Я конкретно вешенское восстание девятнадцатого года имею в виду». «А я,— говорю,— против этого самого восстания вместе с нашим приваловским звеном и с другими красными казаками Хоперского округа полтора месяца фронт держал, вплоть до подхода частей регулярной Красной Армии. Что же, и мне теперь ложиться под косогон вашей казачьей проблемы в целом?»

— Вот здесь бы, Никифор, тебе не надо было... — с укоризной заметила Клавдия Андриановна.

— За этим столом легко говорить. А там попробовала бы, когда он по самому живому режет. И при этом из своего карандашика как будто вторично расстреливает тех, кого уже расстреляла война: щелк, щелк...

Будулаю теперь явственно почудилось, как из того же самого костра вдруг вырвались языки совсем другого, черного пламени. И уже лица товарищей выхватывали они скользящими отблесками из тьмы забвения, а как будто хотели испепелить, выжечь какую-то тень, которая надвигалась на них, заслоняя их собой и пряча от взоров.

— Тогда он захотел отделаться шуткой: «Ого, да вы, оказывается, казакоман». Но мне уже было не до шуток. Какие могут быть шутки, когда на глазах всю историю переиначивают шерстью наверх, всех подряд казаков, бедняков и середняков с кулаками заодно гребут одним и тем же бреднем. Чувствую, как что-то горячее вот отсюда,— Привалов подушечкой ладони коснулся груди,— так и шибануло мне сюда,— он дотронулся до затылка,— как будто меня ударили молотком. Как тогда под Гниловской фугасной волной, когда ты, Будулай, нашел меня в камышах и на своей кобыле, как чувал, в корпусной госпиталь повез.

— На полпути вы, Никифор Иванович, пришли в память и пригрозили меня расстрелять, если я не поверну назад.

— А ты что же хотел, чтобы я тут же орден тебе выдал за вынос контуженого комиссара с поля боя?

Клавдия Андриановна от возмущения даже руками всплеснула. Но Будулай лишь молча улыбнулся, и, поощряемый его улыбкой, Привалов как ни в чем не бывало продолжал:

— Но я и после этих его слов сдержался. Потому что от волнения мое давление может сразу до двухсот подскочить, и, если не сдержаться, то и нашим внукам памятника пятому донскому корпусу не видать. В вежливой форме говорю ему, что, во-первых, чистокровными бывают только жеребцы и кобылы, а, во-вторых, если я казакоман, то он стопроцентный казакоед, которому ничего не стоит советских генералов Селиванова и Горшкова с белоказачьими атаманами Калединым и Красновым в одну кучу свалить. Вот когда он и щелкать перестал. «Лично я,— говорит,— ничего не сваливаю, я всего-навсего чиновник, но вы, может быть, слыхали, что есть еще такая штука — государственный бюджет, и по этому бюджету, кроме монументов мертвым, мы должны еще строить школы и детские сады для их живых потомков. Мертвые, как говорится, сраму не имут, в то время как живые ни единого лишнего дня не желают ждать». Вот так прямо мне в глаза и отпечатал этот подлец. «И вообще,— говорит,— я бы не советовал вам так нервничать, в вашем возрасте это может здоровью повредить, особенно, если у человека уже гипертония или даже просто склероз».

— Здесь ты опять...— начала Клавдия Андриановна.

На этот раз Привалов не обиделся на нее.

Его тяжеловатый взгляд впервые как-то осветился.

— Нет, я даже голоса не возвысил. «Вы,— говорю,— товарищ казакоед, пожалуйста, о моем здоровье не беспокойтесь, я и сам постараюсь, чтобы мне его хватило, пока на славных братских могилах живые гадюки еще будут яйца класть». И тут же, пока он еще не успел перебледнеть, спрашиваю у него: «У вас во время войны, конечно, бронь была?» Должно быть, от растерянности он мне как по уставу начал отвечать: «Так точно, была». «А в Новосибирске за этой бронью осенью сорок первого вам случайно не приходилось пребывать?» «Нет,— говорит,— я в Ташкенте был». «Вот,— говорю,— и жаль». К этому времени он уже успел себя в руки взять и высокомерно спрашивает: «Это почему же, собственно говоря, жаль?» «А потому, собственно говоря, что тогда бы я с великим удовольствием помог вам избавиться от этой ненавистной брони, как я одному такому же ответственному деятелю помог».— И, обрывая, Привалов гулко захохотал, колыхая грудью и всем телом. Только глаза у него при этом совсем не смеялись. Так же внезапно он оборвал свой смех.— Ты помнишь, Клава?

— Как же не помнить, если это было при мне, и потом я об этом тоже слышала от тебя не меньше ста раз.

Привалов возмутился:

— Но Будулаю я еще рассказывать не мог. Откуда же он может знать? — И тут же, игнорируя ее насмешливый взгляд, он стал рассказывать Будулаю:— Я там с генералом Конинским семьдесят пятую сибирскую дивизию формировал. У нас уже на руках приказ под Москву выступать, а половина личного состава дивизии по милости вот такого же подлеца с бронью, какого-то швейпрома, при сорокаградусном морозе еще щеголяет в цивильных пальто. Пришлось мне договориться с военкомом, чтобы с этого швейпрома для видимости на некоторое время сняли бронь и с мобпредписанием направили к нам в строевую часть. А там ему на выбор предложили один из двух вариантов: или через пять дней вся дивизия будет обута-одета, или же мы его прямо в его цивильных брючках прихватываем с собой в эшелон. Ты, Будулай, конечно, догадываешься, какой он для себя предпочел вариант.

— Догадываюсь,— глуховато сказал Будулай.

Привалов вздохнул.

— Еще и теперь иногда жалею, что мы тогда все-таки не прихватили его с собой на фронт. Но военком согласился всего на пять дней с него бронь снять.— И, еще раз вздохнув, Привалов присовокупил: — Но казакоеду я, конечно, всю эту историю без благополучного конца рассказал.

Клавдия Андриановна с вкрадчивостью поинтересовалась:

— И что же он тебе после этого сказал?

Никифор Иванович с досадой мотнул головой.

— Ты и так знаешь...

— Но ведь Будулай не знает,— затрепетав ноздрями, напомнила она.

Уводя свой взгляд в сторону, Привалов неохотно пояснил:

— То сказал, что от этого подлеца и можно было ожидать. «Теперь,— говорит,— не военное время, и вы не запугаете меня. И вообще,— говорит,— вам лучше приберечь подобные истории для какого-нибудь вечера воспоминаний фронтовых ветеранов».— И вдруг Привалов набросился на Клавдию Андриановну так, что она даже отстранилась от него: — Да, да, я знаю, ты теперь скажешь, что я сам же испортил все.

Клавдия Андриановна запротестовала:

— Успокойся, ничего такого я и не думала сказать.

— Но и смолчать этому подлецу я не мог.— Он жалобно взглянул на Будулая.— Потому что бывает, когда уже нельзя промолчать, если не хочешь сам быть подлецом.— Но тут же он беспощадно заключил:— И теперь из-за того, что мне, старому дураку, попала шлея под хвост, нам при жизни так и не дождаться памятника тем, кто на озере Балатон...— Что-то булькнуло у него в горле, как будто перехватило его. С видимым усилием он вытолкнул из себя:

— А Григорий Александрович Воронов, командир сорок седьмого полка двенадцатой дивизии, ты его помнишь, Будулай, пишет мне.— Дотронувшись ладонью до вороха писем на столе, он на память прочел: «Ведь нас уже осталось совсем немного...»

И впервые за этот день Будулай увидел, как в уголках его безулыбчивых глаз выступили скупые капельки влаги.

Но Привалов явно не хотел, чтобы это заметил кто-нибудь другой... Отмахнувшись, как от чего-то постороннего, коротким жестом, он с преувеличенной живостью бросился рыться в ворохе открыток и конвертов на столе и, извлекая из них один листок, приблизил его к глазам.

— А вот что, Будулай, еще пишет мне этот подлец Томахин: «Ты бы, Никифор Иванович, теперь меня не угадал, борода, как у Фиделя Кастро. Уже четыре месяца ношу, она растет быстро, и, когда мороз, тепло на рыбалку ходить...» — Голос у Привалова прервался, листок письма затрясся в руке.— Ну и подлец!

Но теперь уже этот смех не мог обмануть Будулая. Теперь он, кажется, понял, почему при этом глаза у Привалова никогда не смеялись. И почему как сизым пеплом все время подернут их взгляд. Как давно погасший в степи костер. Лишь изредка вырвется из-под этого пепла и хлынет наружу свет от огня, раздуваемого ветром скорбных воспоминаний, и тут же стыдливо спрячется, уйдет вглубь. Снова сизой мглой дымятся они, дотла выжженные скорбью.

* *
*

— Ох, и напугал же ты меня, милый! Как же ты мог здесь очутиться? Каким тебя занесло ветром?

За все время своего председательствования Тимофею Ильичу ни разу не довелось услышать, чтобы Клавдия разговаривала с кем-нибудь таким тоном. Вот тебе и Пухлякова! Зацепило, оказывается, и ее крылом этого циклона. И сразу же оказалось, что ничем она не отличается от всех других хуторских женщин.

Но с кем же, более или менее подходящим для нее и ее возраста, она может так любезничать, если с ее квартирантом-полковником Тимофей Ильич только что пил чай, тот остался в доме. В другое время Тимофей Ильич никогда бы не узнал ее голос. Не разговаривает, а прямо-таки стелет.

— Ведь я уже совсем было мимо тебя прошла, когда ты догадался обозваться,— радостно говорила она за калиткой.— Я тебя по голосу и узнала.

Вот даже какие крепости начинают шататься, когда под их стенами протрубят военные трубы. Но коль так, то и не Тимофею Ильичу тогда нужно избегать этой встречи. Еще неизвестно, кому теперь первому придется отводить свой взгляд в сторону. И не до утра же ему было здесь стоять, подслушивая, это уже было бы похоже на подлость. Пусть этим занимается кто-нибудь другой.

Но когда, потянув к себе за кольцо дверцу калитки и перешагивая через порожек на улицу, Тимофей Ильич очутился лицом к лицу с Клавдией, она, к его удивлению, ничуть при его появлении не смутилась, даже не сделала попытки сдвинуться с того места, где стояла. Она целиком была поглощена другим. У нее над головой колыхалась длинная и глазастая голова того самого жеребца, которого Тимофей Ильич, подъехав сюда, привязал к забору, и это, оказывается, не с кем-нибудь другим, а с ним беседовала она под звездным небом.

— Постой, постой, так это значит,— голос ее прервался,— это же из-за тебя сегодня нашему председателю от меня досталось... Бедный он, бедный, но откуда же я могла знать? И теперь, получается, мне надо будет у него прощения просить. Ну, ничего, пусть это ему будет аванец...— Тимофей Ильич услышал, как она просто-таки залилась смехом.— Это, Громушка, прямо как в сказке... Так это, значит, из-за тебя... Ох, и сейчас еще оно никак не хочет успокоиться, нельзя так пугать. Так вот где, оказывается, нам назначено было встречаться. Но как же ты, Громушка, с ним мог расстаться?.. Взял бы и привез с собой. А для меня он тебе ничего не велел передать?

(Продолжение следует.)

К 125-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ВЫДАЮЩЕГОСЯ РУССКОГО АКТЕРА В. Н. ДАВЫДОВА

ПАТРИАРХ РУССКОЙ СЦЕНЫ

Юр. НОВИКОВ

Помню, в далекую довоенную пору не раз перелистывал я увесистую книжищу, ученическую премию отца — однотомник полного собрания сочинений Гоголя, изданный в 1914 году. По многочисленным иллюстрациям запомнился всего более человек с массивной фигурой и крупными чертами большого лица. Он представал то в виде миргородского Ивана Никифоровича, то был Подколесиным из «Женитьбы», то становился Чичиковым в «Мертвых душах»... Эти зрительные впечатления создавали такое прочное первое видение гоголевских типов, на которое не в силах были повлиять даже блестящие, увиденные мной впоследствии работы Ю. Толубеева, В. Меркурьева, В. Белокурова и других современных мастеров... Запомнилось на всю жизнь и имя этого человека в подписях к иллюстрациям: «Засл. арт. имп. театров В. Н. Давыдов». Лишь позже из книг театроведов, современников артиста и его собственных мемуаров довелось узнать его жизнь, его личность, его деяния.

...Владимир Николаевич Давыдов (Иван Николаевич Горелов) родился 16 января 1849 года в небольшом городке Новомиргороде, Херсонской губернии. Здесь квартировал кавалерийский полк, в котором служил его отец. Звуки барабанного боя, команды на плацу, бесконечные парады и смотры — вот и все развлечения, что мог предложить мальчику военно-усадебный городок. Но, воспитываемый одаренной от природы матерью, чуткой и добросердечной женщиной, Давыдов с товарищами-однолетками часто уходит в степь, кочует от хутора к хутору, видит лихие пляски казаков, слушает вольные цыганские песни... Набрав «труппу» сверстников, мальчик устраивает собственные «представления» под открытым небом.

Пройдет немного лет, и отец Давыдова узнает, что сын его, провалив вступительные экзамены в Московский университет, решил поступить на сцену. А к тому времени Ваня, сыграв уже в десятках любительских спектаклей, сделался завсегдатаем Малого театра, подружился с актерами и по рекомендации И. Самарина получил ангажемент в Орле «на выхода»...

Давыдов рассорился с отцом. В служении искусству он не видел урона для чести захудалого дворянского рода.

Русская сцена тепло и сразу приняла Владимира Давыдова — этот псевдоним Иван Горелов взял в память погибшего своего друга по гимназии.

Признание нового яркого сценического таланта следовало за Давыдовым всюду, куда судьба заносила провинциального артиста: Одессу и Тамбов, Саратов и Казань, Воронеж и Астрахань... Невозможно перечислить все сыгранное В. Н. Давыдовым: их свыше шестисот, больших и малых ролей.

Тщательно Давыдов готовился к каждому появлению своему перед зрителями. Он обдумывал каждый шаг, всякую мизансцену, он настойчиво совершенствовал мастерство, занимался с педагогами дикцией, музыкой и танцами, учился фехтовать — и во всем этом служил примером для многих молодых артистов.

Когда в 1880 году в труппе Александринского театра Петербурга появился новый актер, многие были удивлены: как это провинциальные подмостки смогли воспитать такого великолепного художника! Однако слава первого русского актера пришла к нему лишь тогда, когда он, вырвавшись из Петербурга с его казенной императорской сценой, сыграл уже в Москве в 1886—1888 годах две классические роли в театре Ф. Корша: Городничего в «Ревизоре» и Фамусова в «Горе от ума». Возвращение же в бюрократическую среду, к безликому репертуару, навязываемому «Александринке» ее бездушными управителями, было драмой для артиста, называвшего свой театр «большим гробом, в котором похоронено лучшее».

К счастью, Давыдов был уже известен прогрессивной критике и серьезному зрителю России как создатель бессмертных образов Митрофанушки, Городничего, Подколесина, Расплюева, Муромского, Бальзаминова, Хлынова и других.

Первого актера России знали и ценили выдающиеся писатели. А. Н. Островский сам назначал его исполнителем многих ролей, даже лично репетировал с ним. Высоко отзывался И. С. Тургенев об исполнении Давыдовым роли Мошкина в «Холостяке», а А. П. Чехов, друживший с артистом, благодарил его за прекрасный сценический образ Иванова в одноименной драме...

После Великой Октябрьской революции Давыдов, несмотря на преклонный возраст, и не помышляет бросить сцену. Он играет классику — в нетопленных залах, при свете керосиновых ламп перед рабочими и красногвардейцами. В 1920 году он исполнил свою единственную роль в советском репертуаре — старика Бунта в пьесе А. В. Луначарского «Фауст и город». Когда два года спустя состоялось чествование артиста, Петроградский военно-театральный комитет в приветственном адресе назвал его великим актером России. Одному из первых в стране Давыдову было присвоено звание народного артиста республики. Незадолго до смерти В. Н. Давыдов вступил в труппу московского Малого театра, куда еще в 1886 году настойчиво звал его Островский...

Стареют, желтеют книги, театральные программки, исчезает старый реквизит... Время пишет историю, рождая все новые имена. Но и сегодня мы помним артиста, которого Станиславский называл «патриархом русского театра», называл гением, «хранителем живых традиций и тайн русского искусства».

ВЕСТИ ИЗ АКАДЕМИЙ

КИЕВ

ИСПОВЕДЬ БУМАЖНОГО ЧЕЛОВЕКА

Нас в комнате трое — доктор биологических наук К. А. Иванов-Муромский, Эмик и я. Два человека и один робот — первая в стране модель, имеющая не только ум, но и эмоции. Стучит телетайп, передавая ему наши вопросы, а нам — его ответы. Говорить вслух Эмик пока не умеет, потому что он — математическая программа, набор перфокарт в электронно-вычислительной машине. Однако у него есть своя «биография», придуманная сотрудниками лаборатории нейробионики Института кибернетики АН УССР.

Но зачем нужен робот, который учится чувствовать?

Роботам будущего нужны чувства для того же, что и человеку,— для мобилизации внутренних ресурсов. Например, у робота, дежурного на железнодорожном узле, должен быть особый характер, скорый на решения и самоотверженный, чтобы в любом случае предотвращать аварии.

Иное дело электронно-вычислительная машина, анализирующая радиоголоса звезд. Это должен быть робот-скептик, робот-аналитик, спокойный и уравновешенный.

Создатели Эмика проделали необычную работу. Они изучили характеры некоторых литературных героев и реальных людей, проанализировали связи слов, выражающих эмоции. Обобщив все, что известно об ощущениях и чувствах человека, они создали «сердце робота» — матрицу эмоций. Это такая таблица, где эмоции характеризуются их силой, глубиной и степенью удовлетворения.

В таблице эмоций чувства как бы разложены по полочкам. Они кодируются в перфокартах и переводятся на язык, понятный вычислительным машинам.

Киевские кибернетики воспитывали Эмика, как ребенка, учили правильно сочетать слова, выставляли оценки за ответы. Слова «стол» и «шкаф» Эмик легко относит к классу вещей. Существительные «отец», «студент», «профессор» сочетает с глаголами «жить, думать, говорить» и потому объединяет их в понятие «человек». (Были у Эмика и трудности. Например, он не знал, как определить радио. Оно ведь тоже говорит, хотя и не человек.)

Каждое словосочетание в памяти робота оценивается с учетом его биографии. Любопытно, что в конструкции учитывается, как часто вызываются те или иные эмоции при эксперименте. Эмик, как и человек, не может долго веселиться или грустить, глубина этих ощущений уменьшается.

...Наступает новое время. Человек творит ЭВМ если не по своему образу, то по своему подобию. Уходит в прошлое мир бездушных железных машин. Из будущего приходят умные и эмоциональные роботы, верные друзья людей.

А. ХАРЬКОВСКИЙ

ВЛАДИМИР

СУНГИРЬСКИЕ НАХОДКИ

Доктор исторических наук Отто Николаевич Бадер сделал недавно интересное открытие.

На окраине города Владимира, в самом центре России, вели раскопки сотрудники Института археологии Академии наук СССР. О. Н. Бадер открыл стоянку древних охотников, которые жили около тридцати тысяч лет тому назад. По имени ручья Сунгирь, протекающего рядом, стоянка названа сунгирьской. Люди жили тогда в суровых условиях ледникового периода. Окружающая местность представляла собой лесотундру. Единственным средством существования в те времена была охота. Ни скотоводства, ни земледелия.

Отто Николаевич обнаружил захоронение жителя стоянки. Среди предметов, которые сопровождали хозяина в потусторонний мир, ученый нашел три с половиной тысячи бусин из бивня мамонта, некогда украшавших костюм охотника. Ученые путем остроумного эксперимента установили, что на изготовление каждой бусины требовалось от 30 до 40 минут, а на все украшение костюма — 290 дней при восьмичасовом рабочем дне!

О. Н. Бадер реконструировал костюм сунгирьца. Десятки тысячелетий назад человек носил меховую куртку с капюшоном и меховые брюки-сапоги, украшенные бусами и песцовыми клыками.

Было найдено и другое захоронение двух мальчиков, которое явилось еще большей сенсацией. В нем оказались копья двухметровой длины из выпрямленного бивня мамонта.

А когда археолог показал мне коллекцию каменных орудий сунгирьцев, то я увидел богатейший набор разнообразных инструментов: тут были орудия кожевенника, и плотника, и оружейника... И масса всевозможных украшений из кости и камня.

— Прибавьте к этому множество предметов из дерева. Я убежден, что сунгирьцы умели превосходно обрабатывать древесину, просто предметы из нее не сохранились,— говорит О. Н. Бадер.

Последней работой покойного М. М. Герасимова было воссоздание облика сунгирьца по черепу. Михаил Михайлович провел тщательные исследования. Сунгирец оказался пятидесятилетним мужчиной, около ста восьмидесяти сантиметров ростом, с очень широкими, могучими плечами, с тонкой талией, сильными руками и ногами.

Когда была закончена реконструкция облика сунгирьца, я увидел суровое лицо, в котором не было ничего «первобытного», напротив, в нем угадывался и ум, и воля, и живость мысли. Да, именно таким был наш предок из каменного века. Такое заключение вынесли ученые. Оно резко меняет существующие до этого предположения о первобытном человеке.

Марк БАРИНОВ

КРАСНОЯРСК

ТРАВА... ПРОТИВ ПОЖАРА

Просеки прорубаются в лесу, чтобы предотвратить распространение огня. Но такая полоса не предохраняет от огня, а лишь на некоторое время задерживает его. Зарастая травой, просека становится «огнепроводной».

Но трава траве рознь. Во время исследований в Красноярском институте леса и древесины имени В. Н. Сукачева Сибирского отделения Академии наук СССР было обнаружено любопытное свойство: если траве дать минеральную подкормку, то она становится огнестойкой! При подкормке надо использовать только те элементы, которые содержатся в самих травах. Склонность травы к горению зависит от количественного состава кальция, кремния, натрия, железа, хлора и некоторых других зольных элементов. Если приготовить из них раствор, суспензию или порошок и подкормить траву — опрыскиванием, распыливанием или инъекцией, то она станет негорючей.

С освоением способа минерализации травы не придется засевать лесные просеки специально гречихой или люпином, богатыми влагой, выжигать траву, как это делают в некоторых районах. Используя полученные учеными результаты, можно будет периодически подкармливать травы минеральными удобрениями, и они станут вполне огнестойкими!

С. МАРИЕВ

НОВОСИБИРСК

СП-73

Недавно в Новосибирском академгородке закончилась выставка «Сибирский прибор-73». Выставка проходила под девизом «Автоматизация исследований и специализированное приборостроение». На ней демонстрировалась научная аппаратура, предназначенная для использования в области математики, вычислительной техники, электроники, биологии, геологии, физики, химии и медицины.

Характерно, что почти все приборы созданы с применением вычислительной техники. Сегодня наука уже перешагнула рубеж, доступный непосредственному восприятию человека, и здесь на помощь ему пришли вычислительные средства. Новая техника позволяет ученым раскрывать тайны природы, заглядывать в глубь материи, как бы замедлять бег времени при изучении быстропротекающих процессов.

Большое значение имеет решение вопросов связи с ЭВМ, если клиенты находятся на значительных расстояниях от Вычислительного центра. Человеку удобно обращаться к ЭВМ, например, со своего рабочего места. Представленная на выставке аппаратура передачи данных «Диалог» позволяет решить эту задачу, обеспечивая возможность подключения электрической пишущей машинки к ЭВМ через стандартный телефонный канал связи.

Д. ЮРИН,
А. СВИСТУНОВ

МОСКВА

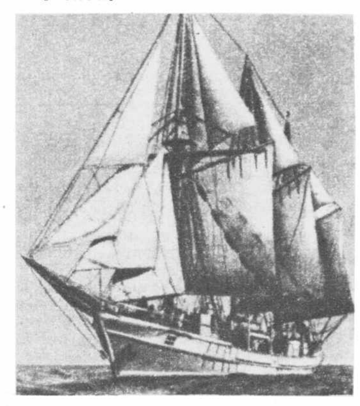
ПАРУСНИК XX ВЕКА

Немагнитная шхуна «Заря» завершила свою двадцатилетнюю службу в научно-исследовательском флоте АН СССР. Это единственный в мире корабль, проводивший исследования магнитного поля водной поверхности Земли. Дело в том, что для такого рода работ собственное магнитное поле корабля должно быть настолько мало, чтобы не искажать измерений земного поля, никакие железные массы не должны влиять на исследования, проводимые учеными на корабле.

Эту тонкую работу и выполняла шхуна «Заря». Ее корпус построен из сосны, ели и дуба, крепления изготовлены из немагнитных сплавов — латуни, бронзы. Из этого же сплава сделаны все металлические предметы и даже якоря, котел для отопления, двери кают.

Сведения, полученные во время работы на борту «Зари», позволили составить новые мировые карты изменения геомагнитного поля морей и океанов.

По магнитным аномалиям можно составить представление о породах, залегающих в данном месте земной коры. Поэтому магнитные карты нашли широкое применение в геологии. Ученые расшифровывают карты магнитных отклонений и определяют форму и состав пород, из которых сложена земная кора и даже более глубокие слои.

Исследования «Зари» впервые предоставили ученым возможность на фактическом материале выяснить характер распределения вековых изменений магнитного поля Земли в океанах.

В результате последних экспедиций советскими учеными впервые были составлены подробные карты изменений магнитного поля Атлантического, Тихого и Индийского океанов за последние 30—50 лет, а также карты распределения вековых вариаций в Северной Атлантике.

Карты аномальных полей Балтийского и Северного морей, составленные по данным, полученным на «Заре», позволили выявить сложный кристаллический рельеф дна Балтийского моря, установить границы Европейской платформы, скрытые под водой. В Норвежском море обнаружен глубокий прогиб вдоль Скандинавии. Эти работы чрезвычайно заинтересовали геологов и в первую очередь тектонистов.

520 тысяч километров исследовала шхуна «Заря». 17 экспедиций в течение 20 лет возглавляли ученые Института земного магнетизма, ионосферы и распространения радиоволн Академии наук СССР.

О. ПЕРФИЛОВА

ВЕСТИ ИЗ АКАДЕМИЙ

Николай ВИРТА

ПАРТИЙНЫЙ ВОЖАК

I

Его отец Кузьма Никонов был первым председателем Товарищества совместной обработки земли (ТОЗ) в селе Серебряное, Ржаксинского района, Тамбовской (тогда) губернии.

(«По соседству с нами,— вспоминал сын Кузьмы Михаил Кузьмич, первый секретарь Мордовского райкома КПСС там же, на Тамбовщине,— были еще два села: Золотовка и Медное. В девятнадцатом веке царь одарил этими тремя селами князей Белосельских-Белозерских. А названия сел имели свой смысл. Золотовка отличалась прекрасными земельными угодьями и давала владельцам немалый золотой чистоган. Медное убытков не приносило, но и доходы от него были не бог знает какие. А про наше село Серебряное говаривали в старину: «Земелька у нас средненькая, жизнь серенькая...»)

После Октябрьской революции — а ее в Серебряном и Медном встретили восторженно — первые артельные мужицкие объединения возникли как раз в этих двух селах. Золотовка долго сопротивлялась: народ там жил богато, кулачество было, так сказать, коренное, глубоко въевшееся в бедняцкую и середняцкую толщу. В ТОЗ, созданный Кузьмой Никоновым, вошло девять семейств. Располагали они несколькими десятками десятин земли да еще большим бывшим барским садом. Так они жили до той поры, когда на смену ТОЗу пришел колхоз.

И тут страшная беда обрушилась на семью Никоновых: исчез отец, бросив жену и пятерых детей. Нового председателя колхоза нашли быстро. А сбежавшие отцы, как известно, находятся редко.

Один из сыновей Кузьмы — Миша — очень хотел бы учиться. Но в чем ходить в школу?

(«Была у меня рваная рубашонка, заплатанные-перезаплатанные штаны, полусгнивший полушубок с чужого плеча. Мама где-то расстаралась ботинками. Но оба оказались на правую ногу, а других не нашли...»)

И вместо школы пошел Миша Никонов пастушонком. На первых порах ему доверили стеречь колхозных цыплят: их было две сотни. Так начал свой жизненный путь Михаил Кузьмич Никонов.

II

Пять лет я жил в селе Горелое недалеко от Тамбова, был депутатом областного и районного Советов депутатов трудящихся, был членом Совета МТС. Общественные обязанности понуждали меня почти ежедневно бывать в райисполкоме и в райкоме партии. За эти пять лет моей сельской жизни (очень плодотворной и в творческом смысле) в районе сменилось три первых секретаря. Тот, которого я застал, как только приехал в Горелое, любил приложиться к чарочке. Чарочкой служил граненый стакан. Хозяйство при нем неуклонно расшатывалось. Убрали его как-то незаметно. В райком пришел Батов, человек очень в сельском хозяйстве понимающий. За год секретарства он кое-как вытянул колхозы района (это было в начале шестидесятых годов) из трясины, где они увязли по самые уши. Ничего больше сделать Батов не мог: МТС работала из рук вон плохо, не хватало кормов, планы не выполнялись. Председателей меняли так часто, что люди еще привыкнуть к председателю не успели, а его уже нет... Да и были они, председатели, малограмотными.

Был в том же Горелом колхоз «Верный путь». Колхоз влачил жалкое существование, переменилось в нем ни мало ни много 99 председателей. Девяносто девятый, товарищ Семенов, до сей поры руководит колхозом, одним из богатейших на моей родной стороне. Вот теперь бы и назвать эту артель так, как она, словно в насмешку, называлась раньше!..

Кормить скотину было при мизерных урожаях нечем. Батов выпрашивал где только мог солому. Солома — еда не ахти какая, но именно с о л о м а спасала скот: его уберегали до вешней травы. Батову приходилось прямо-таки разрываться: налегать на МТС, чтобы она лучше работала, и на колхозы, чтобы не своевольничали.

Через год с чем-то Батова послали в Высшую партийную школу. Секретарем райкома партии избрали Агриппину Константиновну Титову: она жива-здорова, виделись мы с нею в Тамбове несколько месяцев тому назад. Титова характером была крутовата. Спуска она никому не давала и сама работала от зари до зари.

Все свои силы Титова и работники райкома прилагали к тому, чтобы добиться, во-первых, мало-мальски стабильного положения с руководящими колхозными кадрами и, во-вторых, хоть кое-какой стабильности в колхозной экономике.

В те времена председатели (передовых хозяйств!) шумно хвастались шестьюдесятью пудами зерновых с гектара. Примерно такой же урожай снимал какой-нибудь захудалый середнячок до революции с десятины.

Титова в кровь билась за стопудовый урожай. Всем в области казалось, что это предел возможности тамбовского чернозема и тамбовского крестьянского люда. Свои речи Титова начинала и кончала этой самой сотней пудов... Напомню, что в 1973 году на Тамбовщине взяли с гектара сто восемьдесят и двести пудов! Именно при Титовой экономика колхозов поползла вверх.

Мы обязаны отдать должное этим секретарям-практикам, их поистине героическим усилиям, направленным на то, чтобы колхозы сделали первые верные шаги к тем вершинам, к тем далям неоглядным, какие открываются в перспективе сейчас перед нашим сельским хозяйством.

Батовы и Титовы ездили по району, не зная сна и покоя, отчаянно ругались с пьяницами-председателями и бригадирами, буквально за шиворот вытягивали директора МТС и главного инженера из-за письменных столов, тащили в поле, тыкали носами в безобразно вспаханное поле, грозили содрать три шкуры, щедро одаривали строгачами, но и не жалели и самых высоких похвал при виде более или менее добросовестной работы.

А Титова ко всему прочему любила читать: в ее доме, недалеко от райкома, свет горел до вторых петухов... А потом райком, бюро, совещания, пудовая почта — и в путь по дороге, для которой некий шутник предложил знак: череп и скрещенные под ним кости. И плелся потрепанный «газик», дымя и чихая, от колхоза к колхозу; вот один, вот другой председатель, каждому дай совет, научи, помоги...

III

Как в городе, так и в нашем селе все громче заявляет о себе научно-техническая революция. Михаил Кузьмич Никонов — сын этой революции. И ее деятельный участник. Он невысок ростом, широк в плечах, черты лица чисто великороссийские. Одет даже щеголевато и со вкусом.

Его жена — красивая, рослая женщина, мать двух мальчиков. Тамара Матвеевна работает начальником планового отдела управления сельского хозяйства района. И еще бабушка: внуки слушаются ее безоговорочно, случай не такой уж частый!

Путь Михаила Кузьмича в Мордово, в этот некогда глухой степной юго-восточный угол области, был извилистым и непростым.

Миша рос. Цыплят (их в колхозе считали уже на тысячи) стерег другой парнишка. Дед Миши заменил ему и другим внукам сбежавшего отца. Кое-как приодел он Мишу и отправил в школу. Семилетку Миша окончил с отличием, хотел одолеть и десятилетку, но семья нуждалась еще в одном кормильце-поильце. Дядя, вернувшийся с фронта и работавший бухгалтером сельпо, устроил дельного племянника в счетную часть, за что платили Мише в месяц два пуда муки, четыреста граммов с о л и и два каравая печеного хлеба.

Но подошли времена, когда люди забыли, что такое хлеб вообще, хотя бы испеченный пополам с древесной корой, картофельной шелухой и лебедой: страшный неурожай 1947 года... Секретарь Тамбовского обкома партии Иван Алексеевич Волков обратился в Центральный Комитет: «Помогите! Помогите немедленно!» И помощь пришла.

До станции Чакино, куда гнали вагоны с зерном и горохом, от села Серебряное двадцать километров.

(«Никакого транспорта в колхозе не было,— вспоминает Михаил Кузьмич.— Поэтому каждый взял с собой либо салазки, либо смастерил подобие волокуш... Мне было тогда семнадцать лет. Я тоже шел со всеми, с матерью и братьями.

Вот тогда-то я и подумал: если мне доведется быть председателем колхоза, все жилы вытяну, но голодать мои люди не будут!»)

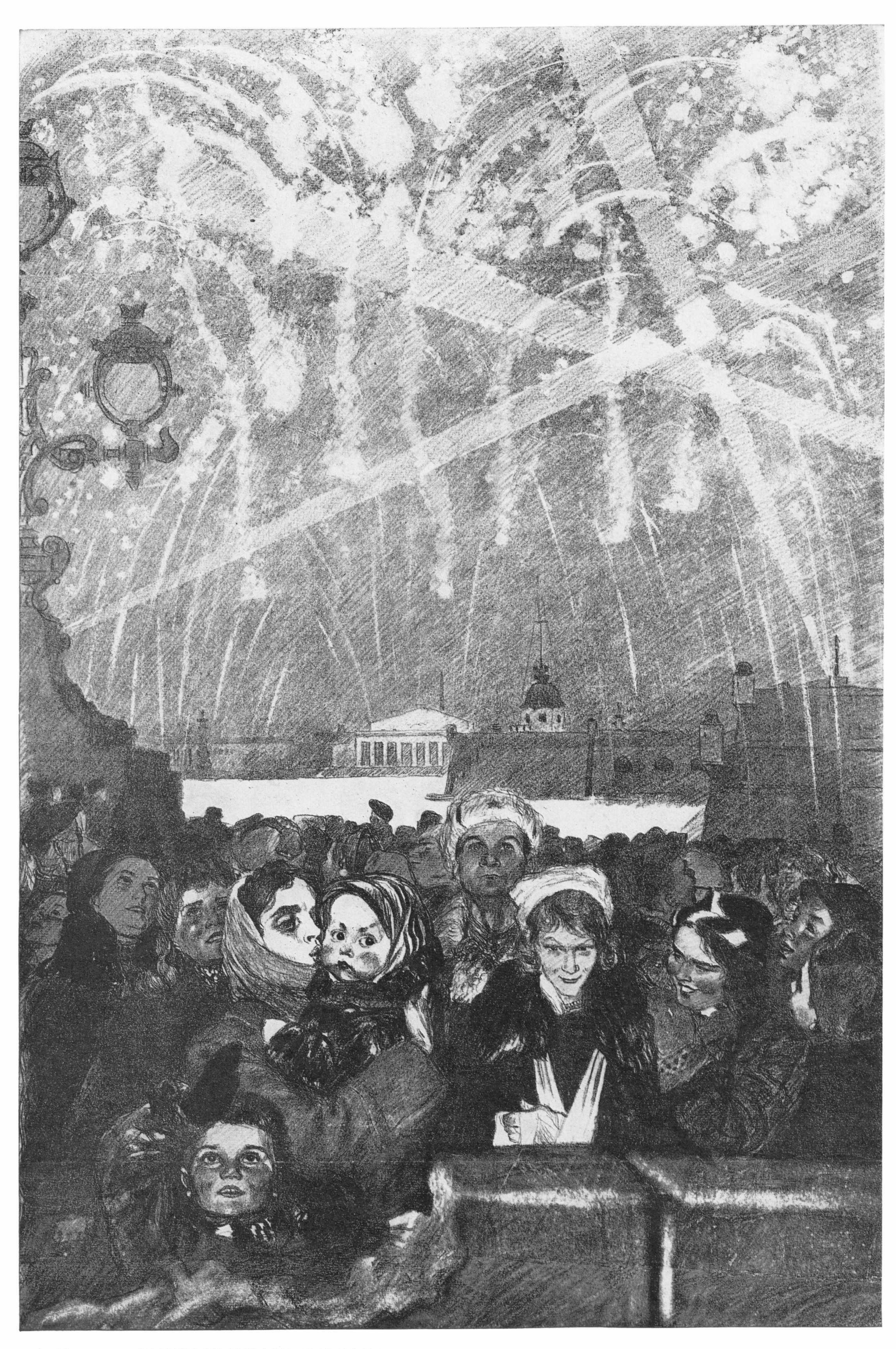
Сорок восьмой год поставил все на место: колхозы собрали приличный урожай... Но никто до сих пор не забыл той помощи...

...По совету дяди Михаил окончил потребсоюзовскую школу в Мичуринске. Но по торговой части ему работать не пришлось: четыре года Михаил прослужил в военной авиации. Вернулся домой...

(«...И так-то меня потянуло к земле, так потянуло, что я ног не чуял от радости, когда узнал, что меня берут инструктором сельхозотдела Ржаксинского райкома партии. Вот когда я поработал, славно поработал. И тогда же про-

И. Серебряный. В ФИЛАРМОНИИ. 1942 ГОД.

А. Пахомов. САЛЮТ 27 ЯНВАРЯ 1944 ГОДА.

шел школу жизни у людей, науку которых никогда не забуду,— они сделали меня тем, чем я стал, привили мне вкус к земледелию, к серьезным размышлениям, к чтению, к самоконтролю. Моими «наставниками» были секретарь райкома партии Сучков и директор МТС Иванов,— я работал там зональным секретарем — должность, придуманная не от большого ума... Были эти двое строгими, но и заботливыми, взыскательными и справедливыми. И не жалели похвал, когда я делал что-то толково, умно и прочно...»)

В МТС Никонов заочно окончил десятилетку: был он уже далеко не мальчиком. Работы хватало. И лишь ночами Михаил постигал премудрости девятого и десятого классов. И вот ему вручают путевку в Высшую партийную школу... Он окончил не только ее, но и (снова заочно) агрономические курсы!

Уже будучи дипломированным агрономом, Михаил Кузьмич получил должность директора совхоза «Пролетаевский»...

Шел 1965 год.

IV

(«А в 1965 году не раз наведывался ко мне в совхоз первый секретарь Тамбовского обкома партии Василий Ильич Черный. Расспрашивал о том о сем, особо дотошно допытывался, как в совхозе поставлена идеологическая работа и какое участие в этом деле принимаю я, директор. Поставлена эта работа была неплохо. К слову отмечу: хоть сейчас, будучи первым секретарем райкома и загруженным разной работой по горло, я почти половину времени отдаю проблемам воспитания кадров — партийных и беспартийных. Человек, не понимающий сути коммунистического строительства, на селе в частности, не может быть сознательным и активным работником вообще. Воспитание в духе марксизма-ленинизма я ставлю на первое место. Однако вернусь к посещениям совхоза товарищем Черным. После второго визита (в конце 1966 года) он попросил меня приехать в обком. Там мы долго беседовали. Поняв, куда товарищ Черный тянет свою веревочку, я напрямик сказал, что в совхозе мною еще далеко не все сделано, и, пожалуйста, мол, не сдвигайте меня с этого места. Василий Ильич сказал: «Пожалуй, все же сдвинем, а недоделанное вами доделает другой. Надо же ему будет чем-то заниматься!..» Так я и не понял, куда и кем он меня метит».)

Справил Михаил Кузьмич с женой и приятелями Новый год, засиделись по русскому обычаю чуть не до рассвета. В первом часу первого дня 1967 года пошел Никонов в контору, чтобы разобраться в бумажных залежах. Телефонный звонок. Звонил В. И. Черный, поздравлял директора совхоза с Новым годом. Тот почувствовал по тону секретаря обкома, что дело куда важнее поздравительных разговоров.

В. И. ЧЕРНЫЙ. А не приехать ли вам завтра, товарищ Никонов, в Мордово?

М. К. НИКОНОВ. А зачем, товарищ Черный? У меня никаких дел, извините, в Мордове нет.

В. И. ЧЕРНЫЙ (со смешком). Пожалуй, найдутся. Так ждем вас завтра к двенадцати дня в районном комитете.

...Сидел Михаил Кузьмич, думал-гадал: с чего бы ему, Черному, закидывать удочку насчет Мордова? Однако мысли мыслями, а ехать надо: звонил секретарь обкома, а он попусту людей не беспокоит.

Неприглядное впечатление оставил на Никонова районный центр. Строили кинотеатр; вокруг стройки ни проехать, ни пройти. До двенадцати было еще много времени. Михаил Кузьмич решил перекусить. Но в столовой готовили так скверно, что смотреть на еду было тошно.

Райком помещался в неказистом домишке. Народу там собралось непроломно; оказывается, В. И. Черный созвал пленум райкома партии. И по тому, как люди приглядывались к Никонову, как перешептывались вслед ему, он понял: «Не иначе решил Василий Ильич просватать меня сюда первым секретарем райкома... Вторым-то я уже работал в другом районе, а по слухам, второй секретарь мордовский — мужик с головой...»

Все на пленуме шло, как тому положено быть. Потом встал первый секретарь обкома и сказал, что, мол, вот решили мы на бюро рекомендовать товарища Никонова первым секретарем вашего районного комитета партии.

Дали слово Никонову. Он поблагодарил за доверие, оказанное ему, но ничего «сладенького» не обещал да и не мог обещать ни сладкого, ни горького: хозяйства района он не знал.

В пользу Никонова говорили толково. Михаил Кузьмич понял, что есть в районе коммунисты, на которых он может и опереться и положиться. Ни одного голоса против него при тайном голосовании подано не было, с чем В. И. Черный новоиспеченного секретаря сердечно поздравил.

И началось то, с чего начинает каждый добросовестный работник, «осваивающий» новое место: знакомство с людьми и с хозяйством. Слышал Никонов и заспинные разговоры: вот, мол, учить нас приехал, ровно мы сами отпетая бестолковщина! А бестолковщины было немало. Считалось, например, что в отстающих колхозах председателей надо менять до бесконечности, пока, что называется, не «напрутся» на подходящего. Никонов, просиживая недели в отстающих колхозах, менять председателей не хотел, а заставлял работников района «смотреть в корень»: почему такой-то председатель плох? А может, не он плох, а плохо с ним работали? Не видели главной причины застоя в хозяйстве. А может, в первую очередь районные работники и виноваты в этом: махнули на отстающих, дескать, как он был захудалым, таким и есть, таким уж ему самой судьбой быть положено... А может, он потому захудалый, что в первую очередь крепким хозяйствам гнали строительные материалы, машины, лучшие сортовые семена? Ведь был же такой пример и на Тамбовщине, когда в моду вошли так называемые «колхозы-маяки», хотя бы, к примеру, колхоз недалеко от Мичуринска, где председателем несколько лет числилась Андреева. Именно числилась, потому что в селе ее видели два-три месяца в году. То она в Москве на совещаниях самого высокого уровня, то на съездах, то разъезжала по заграницам. А в колхозе тем временем, заменяя Андрееву, работали другие люди, распоряжались в силу приказа самых верхних верхов фондами, предназначенными для всех колхозов вообще, но направляемых в «маяк». И сдавал «маяк» сверх плана масло, молоко, мясо, скупая эти продукты у соседних колхозов или за пределами области. Липовая слава Андреевой и ее «маяка» закатилась одновременно со славой известного создателя липовобогатейших колхозов, а нынешним руководителям средненького колхоза в наследство остались миллионные убытки...

Михаил Кузьмич, за три версты чующий фальшь и обман, с первого же дня своей работы в Мордове сурово взыскивал за приписки, за желание покрасоваться на доске почета, не имея к тому никаких экономических оснований.

Считалось тогда в Мордове, что урожай в 16—17 центнеров самим господом богом определен для района и его жирного пласта чернозема. И этот укоренившийся в сознании людей предел возможности районного поля Никонов начал выправлять всеми доступными ему средствами. А средств в распоряжении секретаря райкома много. Главное из них, как уже сказано самим Никоновым,— воспитание чувства высокого партийного долга, желание больше и глубже знать все, что относится к сельскому хозяйству, к расчетливому ведению дел, к ответственности за данное партии и государству слово.

Но не только это.

V

Нынешний секретарь сельского райкома имеет дело не только с колхозами. Во многих районах Тамбовщины развивается разнообразная промышленность, создаются мощные животноводческие комплексы — огромные предприятия индустриального типа, где управление технологическими процессами осуществляется и при помощи телеавтоматики. В области 80 заводов строительных материалов, 12 заводов железобетонных изделий, домостроительные комбинаты, заводы химические, сахарные, опытного машиностроения, асбестовых и резиновых изделий. Каждый человек, работающий в сельском хозяйстве, располагает в среднем тринадцатью лошадиными силами энергетических мощностей. В колхозы и совхозы поступает все более совершенная и все более хитроумная техника.

Секретарю сельского райкома нужна не столько практика, сколько знания теоретические. Он обязан ныне разбираться в механической части любого производства, расположенного в зоне его деятельности, дабы не оказаться «шляпой» в глазах человека, обратившегося к Никонову, например, с разными вопросами: «Почему в такой-то машине не все ладится? А что такое телеавтоматика? А каким образом на Никифоровском промышленном комплексе один оператор может обслуживать, как нам сказали, три тысячи голов крупного рогатого скота?»

Конечно, Михаил Кузьмич может направить человека с подобными вопросами к механику или инженеру, но как он будет выглядеть в глазах окружающих? «Делает вид, а сам ни черта не понимает!» — вот что скажут те, кто слышал разговор секретаря райкома с человеком, любознательность которого весьма похвальна. Хочешь не хочешь, а приходится Михаилу Кузьмичу читать техническую литературу. И не просто читать, а и глубоко усваивать то, что там пишется и что ему пригодится не раз и не два.

И еще. Если в прошлые годы председатель колхоза, окончивший десятилетку, был явлением исключительным, сейчас Никонов имеет дело с директорами совхозов, с колхозными руководителями и со специалистами многочисленных профессий, как правило, обладающими либо среднетехническим, либо высшим образованием. К тому же они практики высокого класса, потому что приобретали навыки к земледелию с малых лет.

Так появляется совершенно новый тип делового сельского человека, с которым держи ухо востро: он очень много знает и во многом отлично разбирается. Шуточкой-прибауточкой от них не отвертеться. Сами знатоки дела, они хотят видеть в Михаиле Кузьмиче знатока тех же дел, но классом повыше. Да чтобы с ними и разговаривали соответственно, а не махали, как в былые времена, кулаками перед носом и не грозили страшенными карами.

(«Секретарь райкома,— заметил как-то в разговоре со мной М. К. Никонов,— не желающий ладить с такими людьми, приучившийся «руководить» гроханьем кулаком по столу, не умеющий поговорить с ними и о всяких, так сказать, высоких материях, не продержится в районе и года. Я должен быть в курсе всех событий, происходящих внутри страны и вне ее. Сейчас на селе к международным делам интерес острейший, особенно после поездок товарища Брежнева в Америку, Францию и ФРГ. И хотя в районе вряд ли найдется семья, которая не выписывала бы газеты и не читала бы их, стало быть, знающая, что делается на белом свете, тем не менее вопросы мне часто задают такие, что закачаешься... И ты ответь на них, а чтобы ответить, не ленись почитать политическую литературу. И не только политическую. Книжные новинки у нас идут нарасхват: художественную литературу на селе читает не только интеллигенция. Читай ее и ты, чтобы не оказаться невеждой и в этом деле. ...В нашем районном центре создан Народный театр. Двери его ломятся от зрителей. Что скажут люди, если партийный руководитель района в театральном искусстве полный профан? И в театр надо ходить. И новые кинокартины смотреть. И, значит, бывать на генеральных репетициях районного хора. И не пропускать выступлений самодеятельности...»)

Короче говоря, в смысле общего и всеобъемлющего интеллекта Михаил Кузьмич и любой другой секретарь сельского райкома должен быть (и есть) на голову выше любого самого интеллектуального на селе человека.

Это относится и к хозяйству, в сложности которого сейчас может разобраться человек, обладающий глубокими знаниями в области экономики. Но экономическое благополучие (или неблагополучие) зависит от людей. Михаил Кузьмич знает — и не понаслышке — всех колхозных председателей, секретарей парторганизаций, знает их возможности, знает всякого более или менее заметного механизатора, доярку или свинарку. Ведь надо по кому-то равнять и подтягивать успехи остальных, не создавая, однако, фальшиво светящегося «маяка».

Хотя Михаил Кузьмич летом и до глубокой зимы (и глубокой зимой тоже) крутится как белка в колесе, он выкраивает время, чтобы посетить школы и болеть за свою футбольную команду. Он имеет точное представление о состоянии торговых «точек», пошивочных ателье, больниц и поликлиник, ферм, мостов, дорог, лесных полос; не забывает о заслуженных колхозниках и постоянно справляется, правильно ли и в срок ли начисляют им пенсии...

Наступает весна. Тут уж пошевеливайся! Михаила Кузьмича дома видят только поздно вечером, да и то не всегда: он и в полевом

Михаил Кузьмич Никонов, инструктор Тамбовского обкома КПСС.

Фото В. Астахова

стане переночует, если к тому есть нужда. Он каждый час у рычага, называемого личным контролем: как и где пашут, хорошо ли устроены полевые станы, обильно и вкусно ли там кормят, работают ли при стане прачечная, душевые установки...

Потом вступает в свои права страдная пора. Тогда ни часу покоя... Почему там-то и там-то простаивают комбайны, почему вовремя не приспособили комбайны к полеглым хлебам (а их в этом году было до пропасти!), отчего такое-то хозяйство отстает с заготовкой кормов на зиму, своим ли чередом идет сдача хлеба государству, засыпаны ли страховые, семенные, фуражные фонды... И еще тысяча и одна забота! Человек апатичный, без широкого кругозора, без аналитического склада ума, без деловой хватки, не умеющий в основу своей деятельности положить проблему идеологического воспитания, такой человек не может быть сегодня секретарем сельской районной партийной организации. Если его не прокатят «на вороных» при выборах,— уберет обком. А кто поумнее — уйдет сам: доучиваться.

Михаил Кузьмич в некотором смысле — типическая фигура сегодняшнего секретаря сельского райкома. В области четырнадцать секретарей с высшим партийным образованием, да трое учатся в Высшей партийной школе; двенадцать человек с высшим агрономическим, ветеринарным и инженерным образованием. Их средний возраст сорок — сорок пять лет. В районах они работают многие годы: скоропалительная смена кадров, к счастью, ушла в прошлое. Но кое-что из прошлого осталось: работа, особенно в страдную пору, по двадцать часов в сутки...

VI

Так чего ж достиг Михаил Кузьмич за эти годы? Я был в районном центре: это большой и благоустраиваемый поселок. Асфальтированные мостовые и чистота вокруг. Прекрасное здание Дома культуры. Просторный дом, где помещается райком партии. Торговый центр. Ресторан. Поликлиника... И многое такое, чего несколько лет назад в Мордове не было и в помине.

...Когда человек имеет в своем распоряжении отличную технику и отличных людей, работающих с нею, когда этот человек к тому же обладает высокой культурой, ставит перед собой большие задачи, он непременно решит их.

Михаил Кузьмич заметил, что в районе много бросовых земель. Подрезали широченные проселочные дороги, занялись оврагами — и вот еще две тысячи гектаров превосходного чернозема введены в севооборот. А это добавочные тысячи центнеров хлеба!

Каждый год район по инициативе секретаря райкома закладывает новые лесные полосы. Те, что уже давно выросли, не только радуют глаз, но и защищают поле от ветров и прочих бед.

Запрудили малые реки. Появился большой водоем. Теперь в районе орошаются 6 тысяч гектаров, и с них можно брать уже по 30 и 35 центнеров!

Обзавелся район прудами: их шестьдесят. Рыбы — завались!

Очень тяжелым было это лето на Тамбовщине: дожди низвергались как раз в дни уборки урожая. И тем не менее по результатам семьдесят третий год оказался поистине легендарным. В два раза превышен самый могучий урожай, когда-либо созревавший на полях области до революции и после нее. В среднем каждый гектар дал 30 центнеров, а в четырех колхозах брали с гектара и по 35 центнеров! Государству продано более полутора миллионов тонн зерна. В колхозных закромах его осталось достаточно для внутренних нужд. Впервые за много лет заготовили кормов для животных больше годовой нормы.

А что дал стране Мордовский район? Двенадцать миллионов пудов хлеба. Это неслыханная победа! И она чуть не свалила с ног Михаила Кузьмича: так ему досталась тяжело пора уборки, что он слег с серьезным сердечным приступом. Врачи выходили его.

(«...Часто вспоминаю я,— сказал мне при нашей недавней встрече Михаил Кузьмич,— тот голодный марш из Серебряного в Чакино. Даю слово коммуниста: при любых климатических условиях мы будем брать с гектара не меньше 25 центнеров. А это гарантия того, что никогда больше Царь-Голод не заглянет в наши тамбовские края...»)

Так кто же все-таки он, теперешний сельский секретарь райкома? Помимо всего прочего и прежде всего — Великий Труженик в самом прямом смысле этих слов.

* * *

Недавно Михаила Кузьмича Никонова перевели на работу в Тамбовский обком КПСС.

Тамбов — Москва.

В РЕДАКЦИЮ ЖУРНАЛА «ОГОНЕК»

Просим выразить нашу глубокую благодарность и признательность всем партийным и советским организациям, друзьям и товарищам, приславшим соболезнование в связи с кончиной дорогого нам Дмитрия Григорьевича Большова.

Семья Большовых

ТЕЛЕВИДЕНИЕ

ЛЮБЛЮ ЗВЕРЬЕ

Широка и разнообразна деятельность режиссера и сценариста, писателя и педагога, биолога и путешественника, народного артиста СССР Александра Михайловича Згуриди.

Всем нам памятны его фильмы. Это «Белый клык», на котором воспиталось не одно поколение ребят. И первый полнометражный советский фильм о природе — «В глубинах моря», поставленный совместно с Б. Долиным. Это и «Сила жизни», отмеченная Государственной премией СССР, и «Зачарованные острова», результат путешествия Згуриди в Индонезию, Австралию, Новую Зеландию, на Курилы в поисках редких животных...

Огромная фильмография... Десятки дипломов и премий кинофестивалей. А за ними — напряженный труд человека, влюбленного в жизнь, стремящегося уберечь и сохранить живое.

И еще одна грань деятельности Згуриди. Почти пять лет не сходит с телеэкранов и все прочнее утверждается, приобретает все большее количество друзей и поклонников телепередача «В мире животных». Ее создатель опять же Александр Михайлович Згуриди — бессменный ведущий и душа этой интересной и разнообразной передачи.

«В мире животных» — программа универсальная по самой своей направленности. Ее смотрит широчайшая аудитория — люди самого разного возраста, самой различной социальной и профессиональной принадлежности... Вероятно, задумывалась она с ориентацией в основном на юного зрителя,— ведь помимо целей чисто познавательных, фильмы о животном мире — и это очень важно! — несут функцию воспитательную. Но смотрят передачу все. И чем выше эстетическая значимость фильмов, тем сильнее их этическое воздействие — это истина старая, хотя, к сожалению, ей не всегда и не все следуют.

В тщательном отборе лент, в умно и тонко составленных комментариях к программам, думаю, и следует искать причины «стойкости» и популярности передачи «В мире животных». Не многие программы существуют такое длительное время на экране телевизора, вызывая неизменный зрительский интерес.

В одном из своих интервью Александр Михайлович сказал, что у людей заметно обострился интерес к живой природе, возникло стремление сохранить и, поелику возможно, приумножить ее богатства... На протяжении тысячелетий, заметил Згуриди, человек был связан с землей, с окружающим его миром живых существ. А потом он добровольно оградил себя от природы цивилизацией. И теперь, когда ее развитие достигло высокой степени, у человека возникла потребность своеобразного «возвращения» к природе, потребность наблюдать, изучать и оберегать ее.

Множество увлекательных отечественных и зарубежных лент прошло на телеэкране за те годы, что существует передача. Вместе с режиссерами и операторами мы опускались на дно океанов и морей, рек и озер, подымались на горные вершины, путешествовали по заповедникам, по самым «глухим» уголкам земного шара, наблюдали животных и в естественных и в домашних условиях.

И всюду нам помогал узнать и полюбить своих «героев» большой и неутомимый художник Александр Михайлович Згуриди.

Нина ДЫМОВА

Хью ЛОДЕР, американский поэт

ТРИ СТИХОТВОРЕНИЯ О НЬЮ-ЙОРКЕ

СРЕДИ ЛЮДЕЙ

Если ты одинок
и хочешь людского участия,
выйди на площадь,
где усталый О'Генри
потерянно смотрит,

ну, а если окажется место
выбранным неудачно,
пойди на Таймс-сквер.

Здесь тебя ограбят,
или пристанут,
рекомендуя бордель,
или предложат
часы,
контрабанду,
наркотики,

и, может быть, все-таки
ты встретишь здесь
человека.

СТАРИК В БОГАДЕЛЬНЕ

Он кашляет глухо,
на нем кургузый пиджак,
не брился, наверное, век,
нос распухший и красный,
воспалены глаза —
здесь баланда бесплатно,
гроши за ночлег.

Он стаскивает осторожно шляпу
и, обмахнув рукавом,
кладет на цементный пол.
Ссутулившись, расстилает
на нарах
старые газеты, выданные ему.

Глядя на бак в углу,
расстегивает помочи,
вытаскивает рубаху из брюк,
опускается на холодные доски.
Лицо выражает муку.

ЗИМНИЕ ПЛЯЖИ

Карлос дал нам свой старый
рыдван,
и мы не спеша покатили
к океанскому берегу.
Были настежь ворота,
с нас никто не потребовал
платы.
Не делают бизнес на пляжах
зимой.

Перевел с английского
В. Минушин.

«ДИВЕРСИЯ БЕЗ ДИНАМИТА»

Спешу предупредить любителей детективной литературы, которых может привлечь столь интригующее название книги. Это издание отнюдь не относится к жанру приключенческому. Но вместе с тем могу поручиться, что самый взыскательный читатель не пожалеет, что прочитал книгу, ибо откроет для себя много нового, познакомится с малоизвестной стороной деятельности западных разведывательных центров, узнает о формах и методах так называемой психологической войны, которую ведет международный империализм против сил социализма.

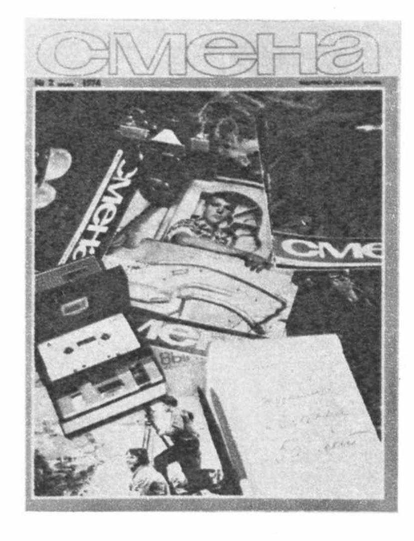
В последнее время наметилось потепление международного климата. Однако есть силы, которые стремятся препятствовать политике мирного сосуществования, не желают считаться с реальностью, продолжают воскрешать традиции «холодной войны». Именно об этих силах, в частности о современном клерикальном антикоммунизме, и идет речь в книге «Диверсия без динамита».

Разные средства используются в идеологических диверсиях против социалистических стран. Среди них — религия, которая служит камуфляжем для экспорта буржуазной идеологии и пытается сдерживать распространение марксистско-ленинских идей. Примечательно, что один из сотрудников американской разведывательной службы весьма откровенно заявил: «Посредством церкви мы можем действовать с наибольшей эффективностью. Церковь имеет для нас важное значение. Это наиболее легкий и надежный способ для проникновения в страну». Об использовании религии и церкви в идеологических диверсиях и рассказывает книга А. Белова и А. Шилкина, недавно вышедшая в издательстве «Политическая литература». Большинство содержащихся в ней материалов неизвестно широкому читателю. Это и факты о деятельности западных религиозных организаций, выполняющих социальный заказ антикоммунизма, и сведения о работе религиозных радиоцентров, ведущих целенаправленную пропаганду на социалистические страны, и характеристика подрывной литературы, выпускаемой на Западе на языках народов СССР и предназначенной для заброса в нашу страну, и портреты тех религиозных деятелей, которые служат буржуазной пропаганде, выступая в роли дезинформаторов общественного мнения, фальсификаторов положения религии и церкви в СССР.

Книга написана остро, публицистично, наступательно. Она призывает к бескомпромиссной борьбе с любыми проявлениями чуждой нам идеологии, с любыми уступками нашим идеологическим противникам. В этом ее актуальность, в этом ее основное достоинство. Она учит зорко следить за происками агрессивных империалистических сил, срывать их коварные замыслы.

Мих. ХОДАКОВ

ЖУРНАЛУ ПОЛВЕКА

Естественное желание — в канун юбилея оглянуться на пройденный путь и вновь как бы пережить прошлое.

Само рождение «Смены» было обязывающим: первый номер вышел в трудное для страны время — народ оплакивал смерть великого вождя Владимира Ильича Ленина. И выход нового журнала, адресованного молодому рабочему, стал как бы символом, клятвой памяти вождя, верности славным традициям революционного рабочего класса.

Когда в январе 1924 года появился первый номер «Смены», он мало походил на сегодняшнее многоцветное издание. Но попытка на черно-белой обложке дать красным цветом революционное знамя уже говорила о том, что комсомол, выпуская свой первый «двухнедельник», стремился заложить те традиции, которые бережно пронесли через десятилетия коллективы редакций.

С изначальных своих шагов все они руководствовались ленинскими принципами журналистики, создавая журнал рабочей молодежи, который бы наиболее полно отвечал задачам коммунистического воспитания юных поколений.

Укреплялась материальная база журнала, совершенствовались стиль и методы работы, повышался идейный и художественный уровень издания. «Смена» удивительно быстро по тем временам превратилась в массовый журнал рабочей молодежи.

Голоса, звучавшие со страниц «Смены», были достаточно весомы. С читательской аудиторией говорили соратники В. И. Ленина — Н. Крупская, А. Луначарский, В. Бонч-Бруевич, Е. Стасова, С. Буденный, М. Фрунзе... Журнал печатал статьи Максима Горького и рассказы Михаила Шолохова, Джона Рида и Ромена Роллана, Федора Гладкова и Константина Паустовского, стихи Владимира Маяковского и Николая Тихонова...

Среди организационных форм работы в «Смене» наиболее традиционной стало, пожалуй, шефство. Сначала над комсомольскими научно-техническими кружками, потом — над «Фондом экономической независимости», затем — над разведкой недр Советского Союза. За шесть лет до начала Великой Отечественной войны «Смена» стала инициатором массового движения среди воинов — «Знать боевое оружие и в совершенстве владеть им».

В годы войны «Смена», превратившись в военный журнал ЦК ВЛКСМ, находилась, как и все издания страны, в строю сражающихся. И сейчас на его страницах материал о буднях и героических делах Советской Армии — желанный гость. В эпоху послевоенного созидательного труда журнал шефствовал над восстановлением 15 старейших городов страны. Потом помогал возводить Братскую ГЭС и первым из изданий страны откликнулся на открытие нефтяных и газовых месторождений Западной Сибири.

Свыше сорока статей, очерков, фотоматериалов с тюменской земли, опубликованных на страницах журнала, составили подробную летопись героического подвига сибиряков, сумевших превратить в столь короткий срок Тюменский нефтегазовый феномен в явление мировой экономики, значение которого уже ощущается сегодня, но еще более ощутимым станет завтра. Причастностью к тюменской нефти и газу сменовцы гордятся, как своим кровным журналистским делом.

И все-таки не проблемы освоения Севера в чистом виде стали предметом пристального исследования журнала, во главу угла большого поиска был поставлен человек, его становление в суровых условиях, его политическое, морально-нравственное мужание.

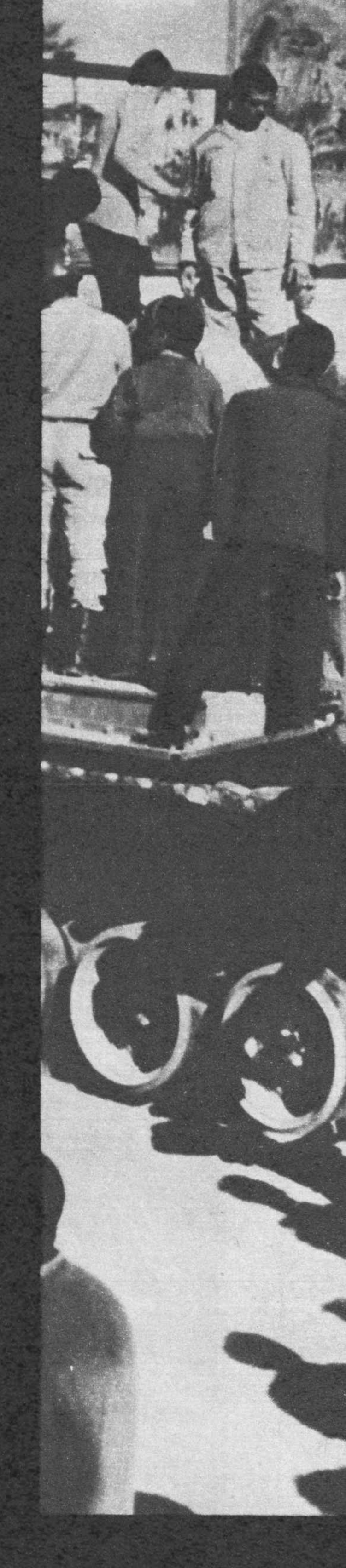
В наши дни перед читателем, в том числе и молодым, большой выбор периодических изданий. Только комсомол предлагает ему свыше двухсот журналов и газет. Даже окинуть взглядом это море информации не представляется возможным. Поэтому молодой читатель сейчас резко выделяет издания двух типов — узкоспециализированные, связанные с его профессией или дополнительным интересом, и издания, которые широко освещают современную действительность. Отсюда такое многообразие рубрик в «Смене».

В свое время Надежда Константиновна Крупская так оценила труд редакционного коллектива: «Смена» делала большое дело, стараясь в живых образах дать молодежи возможность по-настоящему понять все, что происходило вокруг нее, стараясь расширить коммунистический горизонт молодежи».

Это бесконечно дорогие для нас, сменовцев, слова. И нам бы очень хотелось оправдывать их и впредь.

Анатолий ГОЛУБЕВ,
главный редактор журнала «Смена»

ПОВЕРЖЕННЫЕ МИФЫ

Виктор КУДРЯВЦЕВ

Фото Николая ДАНЬШИНА.

...На башню израильского танка «Патон» взобрался каирский мальчишка. Он сидит верхом на стволе орудия и болтает ногами. Другой залез в кабину водителя. Третий протискивается в задний люк. Родители подсаживают маленькую девочку с сережками в ушах на броню... Кругом — множество народа...

«Израильские танки на улицах Каира». Тот, кто посылал их на египетскую землю, мечтал, чтобы такие заголовки появились на первых полосах мировой печати... И они появились... Израильские танки пришли на улицы древней Аль Кахиры. Но только как трофеи, как подбитая военная техника, закончившая свой путь в песках Синая, у берегов Суэцкого канала. На острове Гезира в самом центре Каира открылась выставка израильского вооружения, захваченного египетской армией в ходе октябрьских боев с агрессором.

Стоят сорокатонные танки «Патон» и «Центурион». В них зияют обведенные красной краской пробоины. Их насчитывают иногда по десятку на каждом. Они сделаны «ручным» ракетным оружием «Малютка». Египетские солдаты научились владеть им: сотни танков остановлены «Малюткой». Другие подбиты из более тяжелого противотанкового оружия. Лежат обломки «Фантомов», «Скайхоков», «Миражей». Сейчас это груда обгорелого металла. Еще несколько месяцев тому назад Израиль использовал их как средство устрашения и террора против своих арабских соседей. Они обстреливали селения на бреющем полете, поджигали города. «Израильское превосходство в воздухе» — это считалось аксиомой не в одном только израильском генштабе. В октябрьские дни «господства» не получилось. Египетские летчики, прошедшие хорошую школу у советских военных экспертов, сбивали «Фантомы» и «Скайхоки», а египетская противовоздушная артиллерия, ракетные установки не давали врагу контролировать небо...

Рядами стоят бронемашины, тягачи, грузовики. Здесь же таблички, на которых аккуратно помечено: где они захвачены, насколько пригодны для дальнейшего использования... Посреди выставки — огромный макет линии Барлева. Один из офицеров, участник штурма, рассказывает о ее прорыве. В его руках указка. Он похож на преподавателя. Словно речь идет о чем-то относящемся к далекой истории. А ведь все это было совсем недавно... Египетские войска, отразив агрессора, переправились на восточный берег. В жестоком сражении была взломана линия Барлева, которая еще недавно считалась неприступной. 13 укрепленных районов были преодолены наступающими египетскими войсками. Уничтожены десятки огневых точек. Враг откатился на восток... Сейчас в израильском генштабе пытаются мрачно шутить: «В линии Барлева оказалось больше дыр, чем в голландском сыре»... Раньше они называли ее «неприступной крепостью Синая»...

Но пала не только эта крепость. Пал миф о непобедимости агрессора. А заодно и ряд других: о том, чье оружие более эффективно, чьи военачальники более искусны...

Подбитая вражеская техника напоминает об этом. Осматривая выставку, проталкиваясь в толпе каирцев, я вспомнил своего рода диалог, состоявшийся в 1967 году, когда агрессор был полон спеси и самодовольства.

После неудачи в «шестидневной войне» Гамаль Абдель Насер заявил: «Для обороны Египта, если понадобится, мы призовем 500 тысяч египтян...» «Да,— презрительно отозвался Моше Даян.— Я знаю, это будут неграмотные феллахи. Что они смогут сделать!»

Выставка трофейного оружия в Каире

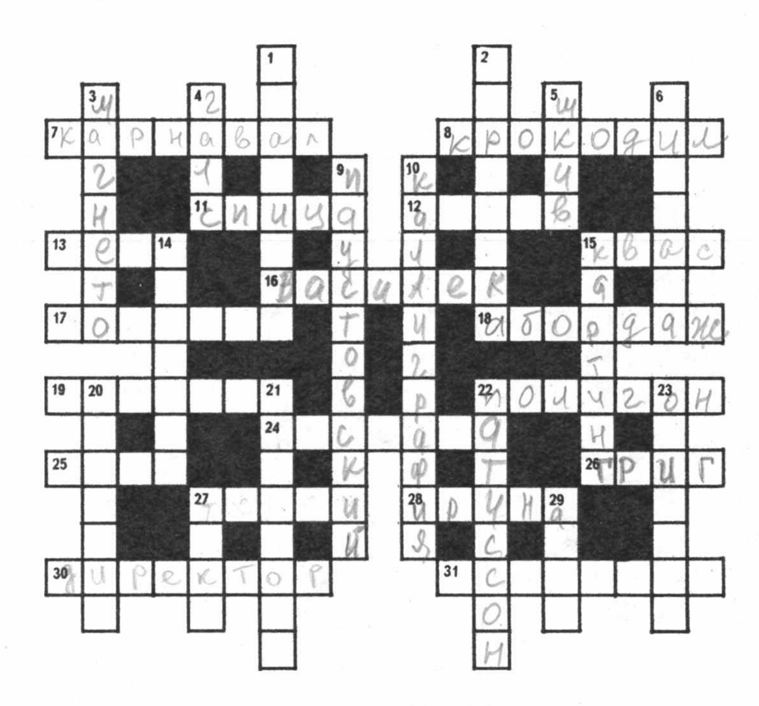
Теперь Моше Даян получил ответ. Десятки тысяч феллахов, грамотных, успешно владеющих оружием, дисциплинированных и стойких, нанесли поражение агрессору. Египетский народ убедительно показал всему миру, что он не только умеет бороться, но и умеет побеждать захватчика. «Октябрьская битва» проходила упорно. Был период, когда противник одерживал успехи. Но самый главный ее итог заключается в том, что египетская армия продемонстрировала высокие боевые качества, а египетский народ — волю к победе.

Как известно, признание врага является наиболее весомым. Известный израильский специалист в стратегических вопросах генерал Хаим Герцог заявил: «Мы неправильно оценивали боеспособность египтян, их умение владеть современным оружием. Мы были чересчур заносчивы».

...Сегодня на выставку приходят те самые феллахи, братья и отцы которых дали урок агрессорам... Приходят рабочие из Шобры, студенты из Айн-Шамского университета. Приезжают коллективно на специальных автобусах жители Танты и Кены, крестьяне окрестных деревень. Приезжают даже из Нубии и района Асуана. Аналогичные выставки, в меньшем, конечно, масштабе, устроены в Александрии и ряде других египетских городов. Люди радуются, они полны энтузиазма, они верят в свои силы, верят в то, что их земля будет свободной. И еще одно характерно для тех, кто приходит на выставку,— чувство глубокой дружбы и благодарности к советскому народу. Здесь, на выставке, особенно тепло встречают советских людей, обнимают, тащат к поверженным танкам.

Египтяне знают меру достигнутому... Сегодня, как и во время бурных дней октября, в их сердце живет стремление к миру. Египет демонстрирует его в ходе Женевской конференции. Он хочет мира, чтобы жить на своей земле, освобожденной от врага...

Каир, январь 1974.

КРОССВОРД

По горизонтали: 7. Массовое народное гулянье. 8. Водное пресмыкающееся тропических стран. 11. Часть колеса. 12. Персонаж романа И. А. Гончарова «Обыкновенная история». 13. Спутник Сатурна. 15. Хлебный напиток. 16. Полевой цветок. 17. Порт на Дунае. 18. Старинный способ морского сражения. 19. Советский скульптор. 22. Участок суши или моря, оборудованный для учебных стрельб. 24. Область в Италии. 25. Полярная нырковая птица. 26. Норвежский композитор. 27. Река в Грузии. 28. Действующее лицо драмы А. П. Чехова «Три сестры». 30. Руководитель производственного коллектива. 31. Неточная рифма.

По вертикали: 1. Город в Донецкой области. 2. Мех. 3. Генератор для зажигания рабочей смеси в двигателях внутреннего сгорания. 4. Курс судна относительно ветра. 5. Колесо, передающее движение приводному ремню. 6. Картина с объемным первым планом. 9. Советский писатель. 10. Умение писать красиво и разборчиво. 14. Рассказ А. И. Куприна. 15. Гонки на автомобилях малых размеров. 20. Озеро на Кольском полуострове. 21. Опора для устройства крыши. 22. Тарельчатая тыква. 23. Морская рыба. 27. Типографский наборный стол. 29. Новелла С. Цвейга.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 4

По горизонтали: 7. Морозка. 9. Реферат. 10. Дисна. 11. Доде. 12. Фата. 13. Мокроусов. 15. Ляпунов. 17. Пилотка. 18. Олифа. 20. «Лакме». 23. Зарница. 24. Теснина. 25. Астрахань. 28. Град. 30. Дуга. 31. Фауна. 32. «Дачники». 33. Маслина.

По вертикали: 1. «Холостяк». 2. Фойе. 3. Садок. 4. Брасс. 5. Сейф. 6. Частушка. 8. «Осколки». 13. Мандолина. 14. «Вольность». 16. Вобла. 17. Пакет. 19. Ватерпас. 21. Карасук. 22. Антигона. 26. Тефия. 27. Асама. 29. Дина. 30. Дели.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Ленинград. Памятник В. И. Ленину у Финляндского вокзала.

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Ленинград. Судосборщик А. А. Харчевников работает более 20 лет на Судостроительном заводе имени Жданова. Он возглавляет бригаду коммунистического труда.— Среди валунов, противотанковых надолб стоит «Цветок жизни». В этом районе проходила Ледовая дорога жизни.— Институт химии силикатов АН СССР имени И. В. Гребенщикова. Инженер Эльвира Морозова занимается исследованием в области электронной микроскопии структуры стекол.— Невский проспект в праздничный вечер.— В гостях у пионеров И. С. Вышковская, пережившая блокаду Ленинграда.— В новом здании Ленинградского аэровокзала.

Фото Н. Ананьева и Г. Копосова.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, С. А. БАРЧЕНКО, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, Н. Б. ПАСТУХОВ, Ю. Н. СБИТНЕВ (ответственный секретарь), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

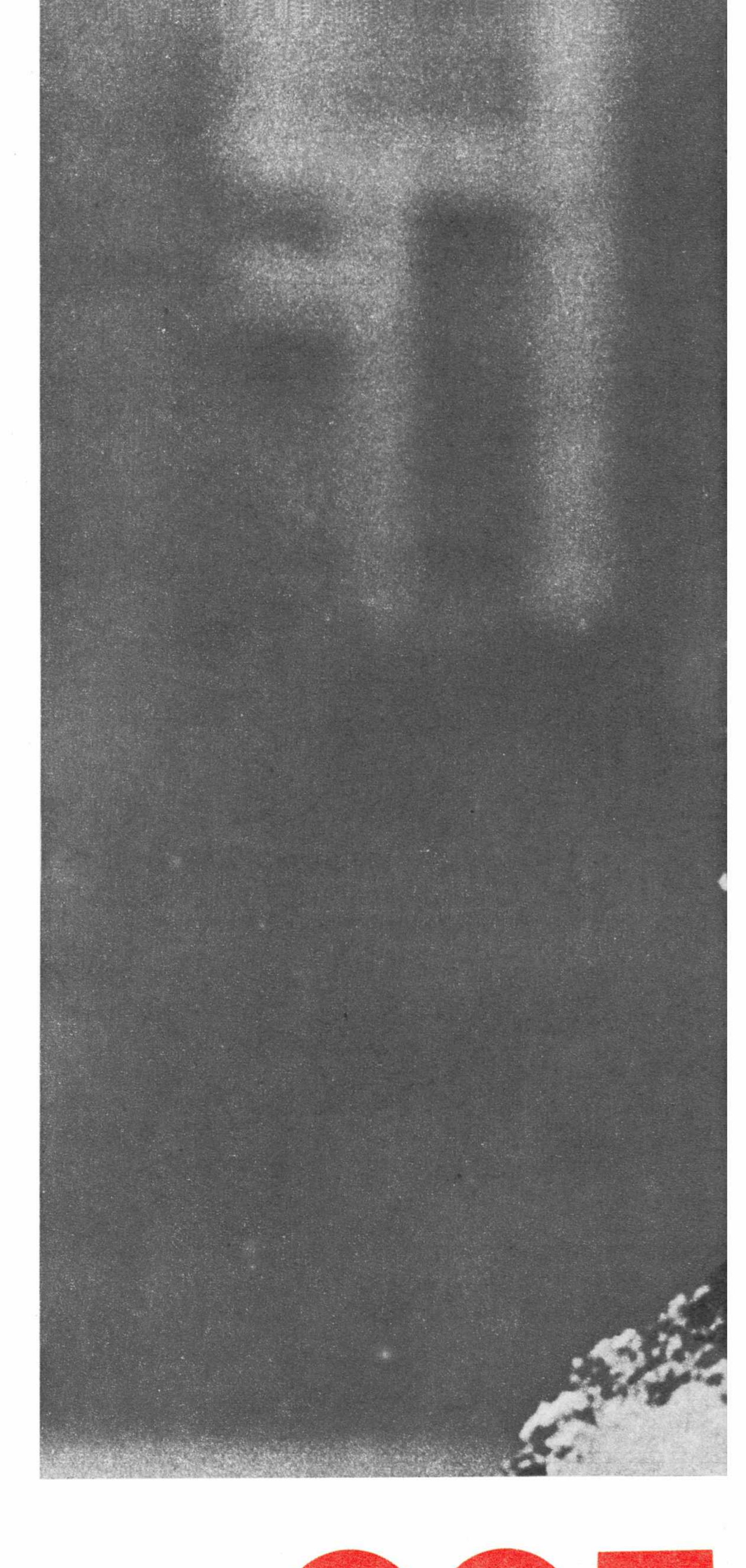
Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

Оформление А. А. КОВАЛЕВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-31-87; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 7/I—74 г. А 00505. Подп. к печ. 22/I—74 г. Формат 70×108[1]/[8]. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 196. Тираж 2 100 000 экз. Заказ № 1661.

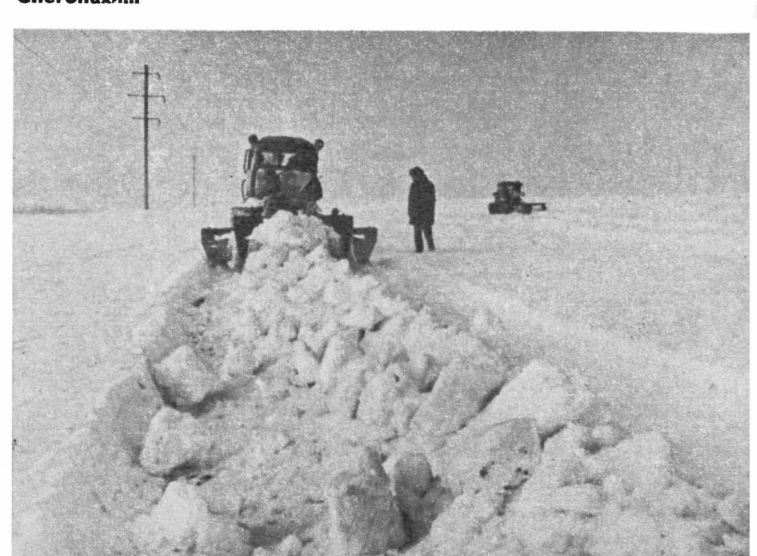
Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

СОЛ

Фоторепортаж специального корреспондента «Огонька» Михаила САВИНА

Снегопахи...

Лида Кузнецова работает на ферме, но она не просто доярка, Лида — мастер машинного доения, оператор фермы.

НЦЕ НА ЛЕТО

Бригадиры-соперники кавалер ордена Ленина В. П. Арчаков и Н. И. Королев.

«ГЛАВНЫМ В СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМ СОРЕВНОВАНИИ ДОЛЖНЫ БЫТЬ ПОВЫШЕНИЕ УРОЖАЙНОСТИ И ВАЛОВЫХ СБОРОВ ЗЕРНОВЫХ И ДРУГИХ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ КУЛЬТУР, ДАЛЬНЕЙШИЙ РОСТ ПРОИЗВОДСТВА ПРОДУКЦИИ ЖИВОТНОВОДСТВА...»

Из Постановления Центрального Комитета КПСС, Совета Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ «О Всесоюзном социалистическом соревновании работников сельского хозяйства за увеличение производства и заготовок продуктов земледелия и животноводства в 1974 году».

Комсомолка Татьяна Семко: «Мой вклад! Обязуюсь надоить по три с половиной тысячи килограммов молока от каждой коровы!»

Агрономы на рекогносцировке.

Нет больше тихих зимних дней на селе. Только что колхозные бухгалтеры подсчитали доходы весьма удачного 1973 года, а яркое солнце и рокот тракторных двигателей настойчиво напоминают о весне. Тракторные караваны с удобрениями уходят в заснеженные просторы. За околицей моршанского колхоза имени Коминтерна поля бороздят снегопахи, громоздят сугробы на пути господствующих ветров.

В колхозе царит предвесеннее оживление. Только что обсудили в бригадах, на фермах, в мастерских Обращение ЦК КПСС к партии, к советскому народу. Дан старт социалистическому соревнованию за урожай 1974 года. На очередном заседании правления специалисты и бригадиры выработали тактику весеннего наступления. А сделать это не просто. Поспорили крепко. Дело в том, что урожайность в минувшем году составила двадцать девять центнеров с гектара — нельзя же намолотить в 1974 году меньше! А как год сложится — неизвестно. Значит, надо думать, думать... Председатель правления Иван Владимирович Токарев, остужая горячие головы, назвал реальную, надежно обоснованную прибавку урожая. И правление согласилось: взять повышенные обязательства, для чего расширить посевы зерновых и картофеля, собрать не менее семи с половиной тысяч тонн зерна, не менее трех тысяч тонн картофеля... Цифры, достойные года, который должен определить судьбу колхозной пятилетки.

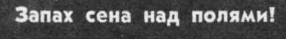
Моршанский район, Тамбовской области, крепок экономикой развитых хозяйств. Это один из лучших районов области, он получил Красное Знамя ЦК КПСС, Совета Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ за итоги третьего года пятилетки. Трудящиеся района решили и в 1974 году поработать на славу, получить по 27 центнеров зерновых с каждого гектара, получить еще больше мяса, молока, шерсти, яиц, продать 82 тысячи тонн зерна.

Солнце повернуло на лето, примечают селяне, так что самое время подготовить машины и семена. И нет их, тихих зимних дней, в колхозном селе...

Н. БЫКОВ

Первая тройка детской сборной колхоза.

Запах сена над полями!

Вкусно! Ну, и пироги у прабабушки Маши — Марии Тимофеевны Крючковой!

«Повторение — мать учения»,— так утверждает тракторист Николай Мишуров.

А эти девушки пока учатся, овладевают мастерством животноводов-операторов. Скоро разъедутся выпускники Моршанского СХПТУ по родным колхозам.

91/2 - 135
Цена номера 30 коп.
Индекс 70663